

WARHAMMER

40,000

A SPACE MARINE BATTLES NOVEL

ARCHITECT OF FATE

EDITED BY
CHRISTIAN DUNN



FEATURING SARAH CAWKWELL, BEN COUNTER,
DARIUS HINKS AND JOHN FRENCH

Джон Френч

— Мы не ведаем страха. Его вырезали из наших душ при рождении. Мы чувствуем его только как нехватку, как пустую тень, отброшенную светом уничтожения. Перед лицом ужасного будущего я стою безмолвный и хладнокровный к единственному чувству, которое сделало бы меня человеком. Но я помню, чем был страх: его холодный пульс бьется в венах, его эхо раздается в ушах. Я помню страх и я помню, что когда-то был человеком. Я смотрю в грядущее и хочу встретить его, как мои предки — со страхом. Будущее заслуживает этого, оно заслуживает страха.

Эпистолярный Кир Аврелий, невыслушанная исповедь

ВЫЗВАННЫЕ

Поток ощущений превратил видение в реальность.

В руке раскаленный меч, в сердце которого пылает его гнев. Он рубит, чувствуя, как напряженные мышцы двигаются

вперед. Лезвие встречает искаженную плоть, меч грозит в хватке от текущей по нему энергии. Раздутая тварь с лицом, похожим на освежеванный череп, растворяется в дыму. Перед глазами кружат красные, пульсирующие руны угрозы. Рот наполняет вкус жженого сахара и истерзанного мяса.

Он — человек в синем гонимом оттенке ясного неба, стоящий в центре движущегося круга бесчисленных извращенных

существ. Они приближаются к нему, щелкая когтями по каменному полу. Он чувствует грубую силу тварей, чувствует их жажду его души. Глаза чудовищ

наполнены смертельным светом. Он один
и знает, что проиграл.

К нему направляется фигура с широкой
пастью, наполненной блестящими
излообразными зубами, при движении ее
конечности растекаются новыми
форматами. В руке ревет штурмболтер,
мышцы компенсируют его отдачу. Взрывы
превращают извращенную раздутую
плоть в красную бесформенную массу.
Рука угрозы гаснет. Он поворачивается,
по-прежнему вдавливая палец в спусковой
крючок, и следит, как уменьшается
количество боеприпасов, пока оружие
выпускает поток огня.

Я проиграл, — думает он, — и после этого
мгновения ничего не будет.

Его оружие с лязгом затолкает. Он
поднимает меч. Когтистая рука
пробивает сочленение на ноге. Он
чувствует, как

внутри доспеха течет теплая жидкость.
Он делает шаг вперед, вонзая меч в
открытую пасть птицеподобной твари,

пока лезвие не исчезает в ее теле. Сила
струится по нему, как поток бури.
Наполовину оперенное тело взрывается во
вспышке света. Он понимает, что
кричит. Вокруг тела собирается
потрескивающей спиралью толня. На
короткий

миг твари отступают, отворачивая свои
лишенные век глаза от света. Он
поднимает меч. Его конечности дрожат.
Под шлемом он рыдает кровью.

Они снова приближаются к нему, волна
зубов и когтей. Он бьет, каждый удар
подобен удару грома. Многие из тварей
падают, их искаженные формы скользят
обратно в тени и дым. Но их много, а он --
один.

Это еще не произошло, -- думает он, -- не
случилось. Я не утираю. Это моя судьба,
то, что будет. Это будущее, оно еще не
наступило. Но мысль утирает.

Твари вокруг него воют, и он чувствует,
как окружающие голову психические
кристаллы раскалываются. Он слеп.

Мир затихает и теплеет.

Я утираю, -- думает он, -- я проиграл и
ничего не останется, ничего, кроме праха
и изголодавшейся тьмы.

Что-то внутри него тускнеет, гаснет,
как пламя, которое гаснет в остывшие
угольки.

Он пытается поднять меч.

Он падает...

Он ...

... пропускает прах мертвого мира сквозь
пальцы. Видение ушло, вытекая в серое
настоящее. Костогесантник моргнул,

избавляясь от ощущений, которые
остались в его разуме, как приступ
лихорадки. Он и прежде видел отголоски
возможного

будущего, но эти ощущались иначе,
сильнее, непосредственное, как
воспоминание о чем-то, что уже случилось.

-- Эпистолярый? -- произнес голос, который
звучит безжизненно внутри его шлема.

Кир поднимает глаза от серой пыли,
осыпающейся с пальцев.

Он моргнул по зеленым рунам на границе зрения; четыре зеленых крестообразных значка отделения Фобоса мигнули в ответ. Кир повернулся к своему эскорту, развернувшись позади него в строю «разомкнутого ромба». Их белые доспехи выделялись на фоне серого неба.

Как и он, воины были облачены в гигантские доспехи терминаторов. Генетически улучшенные тела покрывали несколько

слоев адатантия, движения усиливали оболочки фибросвязок, которые проходили через броню, как второй комплект мышц. Доспехи были реликвиями ушедших дней, их элементы заменялись и ремонтировались так часто, что они стали

похожи на движущуюся рубцовую ткань. Носить такой доспех означало чувствовать прошлое, как холодный покров на коже.

Сотни предков из его Ордена носили доспех Кира, прежде чем он перешел к

нелю. Он вспомнил, что большинство из них

погибли в этой броне.

-- Все в порядке, брат? -- спросил сержант в красном шлеме.

-- Да, брат. Всего лишь задумался.

-- Как скажешь, эпистолярый. -- тон Фобоса был сдержанным и почтительным, но Кир чувствовал невысказанный вопрос

сержанта за тупоносой личиной шлема: «Зачем они спустились на поверхность этой планеты?»

Перед ними простиралась плоская, серая равнина, ее поверхность не тревожили ни ветер, ни дождь, ни шаги. Перед

глазами Кира плыли руны -- сенсоры улавливали движение, тепло, жизнь, и не находил ничего. Здесь погибли двести тридцать

миллионов людей. Эпистолярый отключил поисковые руны; этот мир был мертв, и он умер от руки своего защитника.

Он назывался Катарис, агромир с городами, обрабатывающей

промышленности и бесконечными полями зерновых, зреющих под ярким солнцем. Планета погибла за меньшее время, чем было нужно солнцу, чтобы пройти небосвод. Что-то привлекло внимание демонов к ней, и они пришли из-за реальности. Миллионы погибли при первом нападении. Их смерти приготовили мир к прибытию других демонов. Все новые и новые просачивались через тень, разделявшую реальность и варп. Немногие, очень немногие выжившие стали непокорной кучкой человечества, цепляющейся за последние укрепления планеты. Там они молились и ждали конца, и по их покрытым перлам щекам текли слезы.

Астронавт отправил отчаянный вызов через варп. Он молил о помощи, о защите, обещанной священниками Имперской Веры. Последними словами сообщения были «Император защищает». И на это сообщение ответило единственное слово экзекуции: Экстерминатус. Смертный

приговор планете и всем живущим на ней.
Катарис молил о помощи и получил
смерть, снизошедшую с расколотого неба.
На мгновенье широкие равнины разрушения
затихли, звук грома осел с пылью.

Затем пришел ад, пронесшийся по
планете от горизонта до горизонта,
поглощая испорченный воздух с ревом,
подобным
боевым кличам, издаваемым в конце
времен.

Кир почти мог ощутить вкус
погребального костра.

-- Это была не победа, -- прошептал он
самому себе.

За десятки лет до этого Кир и его братья
сражались на Катарисе с эльдарскими
налетчиками. Они разбили чужих и
разрушили их тайные колдовские врата.
Это была страшная война, но они победили
и планета выжила. В этот раз их ответ
на мольбу мертвого мира был слишком
запоздалым. Они прибыли через много дней
после того, как карательные силы

Инквизиции отбыли.

Если бы мы были здесь, могли спасти этот мир? У этого вопроса не было ответа, но Кир не переставал задавать его себе.

В отличие от остальных братьев он чувствовал, что произошло здесь, как эхо, оставшееся в империуме. Он был

псайкером, одаренным способностью проводить и управлять силой мира за гранью реальности. Варн был кошмарным царством психической энергии, но разум псайкера мог выкачивать и использовать эту энергию. Некоторые считали это колдовством. Другие — ступенью в эволюции человечества. Для Кира это было оружие. Это был дар, который позволял

Киру творить вещи, невозможные даже для его братьев Белых Консулов. Но этот дар также отделил его от остального

Ордена; иначе быть не могло. Ведь он чувствовал, как смерть этой планеты откликается в нем, как пыль, обдуваемая

голую кожу.

«Вот почему я приказал высадиться на поверхность», -- подумал он. -- «Потому что кому-то нужно увидеть, что произошло, кому-то нужно прикоснуться к ней и вспомнить о цене выживания».

-- Эпистолярый, -- обратился голос в шуме помех. Он пришел с мостика боевой баржи «Эфон», которая висела над нити на высокой орбите.

-- Говори, -- произнес Кир.

-- Мы получили сигнал. Кажется, это еще одна просьба о помощи. -- Голос сделал паузу. -- В ней есть слово «Судьбоплет».

Кир на мгновение закрыл глаза. Это могло значить только одно.

Мир, на котором он находился, был всего лишь последним из объектов демонического вторжения. Мир за миром захватывались в этом звездном квадранте, который граничил с Околом Ужаса. Тысячи миллионов погибли, когда Циквизиция

попыталась

воспрепятствовать

вторжению. А по стопам этого разрушения следовало итти, произносимое с последним вздохом: Судьбоплет.

-- Откуда? -- спросил Кир.

-- Сообщение искажено, но у нас есть пункт отправления.

Астронавтическая
ретрансляционная крепость в системе
Кларос. --

В голове Кира всплыло видение будущего. --
-- Что прикажете?

...

Голос астронаута звучал, как хрип утирающего: «... доклад... Кларос... враг за пределами...» -- фигура в мантии обернулась

в конусе холодного зеленого света, на тонком лице двигался рот, когда он произносил слова, которые ему не

принадлежали. -- «...лжет... Судьбоплет, ты... ослеплены... выходит из строя...» --

Губы человека скривились, он захрипел,

когда попытался озвучить незаконченные мысли. -- «...гуша...кто слышит

это...пришлите...помощь...проклятая

вечность».

Кир сидел в одиночестве и смотрел голозанись. Он был без своего синего доспеха терминатора, который почистили и

заново благословили после путешествия на поверхность Катариса. На его сгорбившееся тело была наброшена белая

мантия с капюшоном, по ее краям синей нитью были вышиты имена предков Ордена. В тени капюшона вытянутое лицо эпистолярия выглядело так, словно его вырезали из белого мрамора. Зал военного совета был затемнен, тусклый свет

голозаниси озарял контуры широкого каменного стола и стульев. За границей светового круга темнота гудела двигателями

«Эфона», который шел через варн.

Как только Кир ступил на «Эфон», он потребовал запись сигнала. Будучи эпистолярием Агентус Астартес, он мог получать

психические сообщения, которые

передавались из разума одного астронавта
другому. Проходя через барьер, эти
сообщения

пересекали огромные расстояния быстрее
света звезд. Но это сообщение пришло,
когда он находился на поверхности

Катариса. Среди смертельных
отголосков, окружающих этот мир, его
разум был глух к такой тонкой
теленатии. Его получил

астронавт «Эфона» и теперь Кир
просматривал запись этого момента.

Его что-то беспокоило в сигнале. Он был
искажен передатчиком из одного разума в
другой, но у костомодесантника было такое
ощущение, что он почти мог услышать
пропущенные слова.

-- Ты ведь знаешь, что оно не изменится. --
Голос пришел из темноты со стороны
дверей.

Кир поднял голову. Его глаза превратили
полумрак в монохромные тона света и
тени. Фигура, стоявшая на другом конце
пустого совещательного зала, была одета

В белую туннику. Его изуродованная
шрамами голова была гладко выбрита, а
наг

левым глазом выступали два хромовых
штифта. Охваченные медными наручами
голые мускулистые руки были опущены.

-- Фобос, -- сказал Кир, улынувшись, когда
человек прошел вперед. -- Пришел вывести
меня из меланхолии?

Фобос не ответил, но остановился с
противоположной стороны круглого
каменного стола. Между ними по-
прежнему

поворачивалась и говорила в конусе света
голограммная астронавта. Сержант
посмотрел на проекцию.

-- Ты все еще считаешь, что лучше
заниматься этим?

Кир нахмурился: с его старым другом
было что-то не так. В его словах не было
и следа обычного сдержанного юмора,
только тон, который Кир не мог понять.

-- Да, брат, -- сказал Кир, вставая с кресла
с железной спинкой. -- Ты не возражал,

когда я приказал «Эфону» направиться в систему Кларос. Теперь ты хочешь что-то сказать? — Фобос молчал, но Кир видел эмоции на его резких чертах лица сержанта.

На борту «Эфона» командиром был Кир. Ему незачем было выслушивать опасения сержанта, но он хотел. Как псайкер он всегда стоял в стороне от остальных. Сейчас это было так же верно, как и ранее, когда он был избежавшим других

мальчиком с давно забытой планеты. Но Фобос никогда не демонстрировал отстраненность, свойственную братьям.

Сержант Первой роты, проконсул, носитель Крукс Терминатус, он был воином до мозга костей, и ближайшим другом Кира.

— Мы были здесь стражами на протяжении тридцати лет, — медленно произнес Фобос. — Тридцати лет войны.

— Это была наша клятва и наш долг, — сказал Кир.

— Да, и долг мы оплатили кровью, —

ответил Фобос. Кир кивнул. Он, действительно, был оплачен кровью. «Эфон» был

боевой баржей, кораблем для ведения войны среди звезд. Он мог нести три сотни Agentus Астартес, их боевые машины и оружие. Когда баржа покинула Сабатин, то была почти полностью укомплектована, но три десятилетия войны на границах

Ока Ужаса потребовали свою цену. Капитаны и ветераны сотен лет войны лежали навзничь на потеранных мтрах, или

плыли в холодном костосе. Корабль наполнила тишина, его экипаж уменьшился до сервиторов, а системы до самых

необходимых для обслуживания оставшихся Белых Консулов.

«Да, мы много раз платили эту цену, мой друг», — подумал Кир. — «Есть ли другой способ исполнения долга для Agentus Астартес?» — сказал он вместо этого с

суровостью, которую не чувствовал.

-- Мы -- Белые Консулы. -- Фобос оперся о стол, глядя на эмблемы головы хищной птицы, вырезанные на каменной поверхности. -- Мы на волоске от полного исчезновения. Орген вызывает и... -- Он замолчал.

-- И что? -- Кир смотрел, как его грусть сглатывает.

-- Орген вызывает, но мы медлим.

-- Думаешь это то, что мы делаем? Медлим?

-- Я думаю, что наш Орген нуждается в нас, -- сказал Фобос.

Кир почувствовал, как по нему пробежал холодок от этих слов. Орген сосредоточил большие силы, чтобы встретить ужасного врага, и понес такие потери, что его будущее висело на волоске. Пришел вызов, требующий всех сынов Сабатина вернуться готовой.

-- И какова цель нашего Оргена, сержант Фобос? -- спросил Кир, и в ответ на холод его голоса Фобос поднял глаза. -- Мы

-- Белые Консулы, потомки Жиллимана.
Мы следим за человечеством и защищаем
его. Для этого нас создали. Это наш
долг перед Оргеном.

-- А если Оргена больше нет? -- прорычал
Фобос. -- Если он уничтожен, а нас там
нет?

-- Если мы забудем нашу цель, мой друг,
тогда не останется ничего, кроме непла-
нородного по жертвным мирам. -- Ему
показалось, что он разглядел вспышку
взаимопонимания в темных глазах Фобоса,
и понял, что слышит эхо утраты
Катариса в своих словах.

-- Он уничтожен, -- сказал Фобос
стягившимся голосом. -- Ничего нельзя
было сделать для его спасения. Будь там
мы, или

вдесятеро большие силы, не было бы
другого выбора, кроме Экстерминатуса.

Кир подумал о последнем крике о помощи
мертвого мира, прежде чем тот сгорел.

-- Мы не могли его спасти, и мы не
сможем спасти Кларос, если туда пришли

демоны, -- добавил Фобос.

-- Всегда нужно пытаться что-нибудь сделать, прежде чем прибегнуть к полному уничтожению. -- Прорычал Кир. --
Плати за

выживание человечества жестокостью и не останется ничего. -- Он выключил голодисплей и вышел, оставив Фобоса одного

в темноте.

...

«Эфон» движется к бронзовому корпусу костической станции, ауспики наполняют космос вокруг него перекрывающимися

развертками сенсорных полей. Восьмикиллометровое тупоносое жало в грязно-белой броне и макроорудиями окутано

потрескивающими пустотными полями. От рева плазменных двигателей на полной мощности мостик под ногами Кира вибрирует.

-- Признаков активности врага и следов битвы нет, милорд, -- сказал логист,

подсоединенный к главной сенсорной платформе. Человек обратил свои зеленые бионические глаза на Кира. -- Станция выглядит целой и невредимой. Они ответили на наши приветствия и просьбу пристыковаться.

-- Очень хорошо, -- сказал Кир. Он ожидал увидеть станцию в огне битвы и из последних сил взывающей о помощи. Но глядя на нее через обзорный экран, становилось очевидно, что она далека от гибели.

Станция Кларос была похожа на огромное колесо, вращающееся в свете звезд. Ее броня светилась, словно ее выковали из полированной бронзы. От центрального узла станции тянулись пять секций, каждая из которых напоминала трансепт собора глиной свыше двух километров. Поверхность станции усеивали контрфорсы и башни, свет отражался от лиц

огромных статуй, которые смотрели в

костос пүстыли глазами. Над
центральной секцией станции
поднималась башня, ее
куполообразная вершина была заполнена
антенными мачтами. Основание башни
опоясывало толстое каменное кольцо,
поверхность которого покрывали
генераторы щитов и горгульи размером с
жилой дом. Для Кира станция выглядела
жутко.

Рядом с ним пошевелился Фобос. С его
наплечников свисают только что
прикрепленные печати чистоты, а на
изгибе руки

он держит багровый шлем. Кир не
разговаривал с ним с момента последней
беседы в командной комнате.

-- Если ты собираешься отправиться туда,
я подготовлю почетную стражу, -- сказал
Фобос.

Кир чувствует нелой вопрос в словах
Фобоса: если мы прибыли сюда, чтобы
спасти это место и в этом нет
необходимости, почему мы тратим

время?

В голове Кира всплыло воспоминание о видении на Катарисе: вонь варна, влажное тепло его крови. Воспоминание было таким же свежим и чувствительным, как незажившая рана. Он был гарусником, обученным на традициях его Оргена в качестве прорицателя смысла видений и знаков. Для оракула не существовало слепой удачи. Принятие сигнала и его видение были связаны. Он был уверен, что в это место его привела судьба.

-- Да, -- сказал Кир. -- Подготовь отряд. Здесь есть нечто большее, чем кажется на первый взгляд.

...

Стыковочный отсек гудел. За противовзрывными дверями отсека, корпус «Эфона» встретился с бронированным доком

Клароса со звуком, похожим на звон железного колокола.

Перед дверьми рядами выстроились Белые Консулы, их доспехи сверкали в

свете, наполнившем стыковочный отсек.

Во

главе костодесантников стоял Кир, психосиловой меч был опущен, без его желания психоактивное ядро безмолвствовало.

С наплечников и наголенников свисали свитки, а с торса до самой палубы ниспадала белая ткань. Из уважения к событию

ишет висел на поясе, и его неприкрытое бледное лицо взирало, окруженное воротником из кристаллических узлов.

Фобос и его терминаторы стояли в шаге позади Кира, за ними — опустошители Валериана вместе с авангардным и

тактическим отделениями Гальбы и Ветранио соответственно. Численность отделений не соответствовала предписаниям

Кодекса. Но они все же были боевыми отрядом Агентус Астартес, достаточно крупным, чтобы побеждать армии.

С шипением давления открылись

противовзрывные двери. В стыковочный
отсек ворвался ледяной воздух, потревожив
свитки на доспехе Кира. В растущем
отверстии во главе моря
коленопреклонных фигур ожидали два
человека. Один был
мужчиной с ястребиным лицом и копной
поснящихся черных волос, затянутых в
хвост. Полированное золото его
нагрудника, украшенного лавровыми
венками и орлиными крыльями, отразило
свет, когда он поклонился. Рядом с ним
стояла высокая женщина с морщинистым
лицом, бритую кожу ее черепа покрывали
татуированные строки выцветшего
текста. Ее худая фигура была облачена в
синий китель с высоким воротником. В
правой руке она держала посох, черную
рукоятку которого венчал орел,
сжимающий в когтях синий
кристаллический глаз. Женщина
смотрела на Кира с
выражением явной неприязни, на ее губах
изграла презрительная устешка.

-- Приветствую именован Императора. --
Голос мужчины дрожал в холодном воздухе.
Позади него ряды преклонивших колени
повторили слова.

Кир коротко кивнул; ему не нравились
такие моменты. Для большинства людей
Империяма космогес антники были
отдельным племенем: ужасающими
существами защиты и разрушения,
созданными на заре истории
Императором,

которого они называли богом. Такое
низкопоклонство было ожидаемо, но для
Кира оно отвергало причину его
существования: защищать этих людей и
государство, частью которого они были.

-- Поднимитесь, -- сказал он, шагнув вперед
и одарив людей улыбкой. -- Я -- Кир
Аврелий, эпистолярый Белых Консулов, и
мы прибыли в ответ на вызов. -- Человек
поднял голову и Кир увидел любопытство
вперемешку с беспокойством.

-- Рухат, полковой командир
Геликоновской Гвардии. -- Голос человека

грожал от страха. Рихат указал на женщину рядом с собой. -- А это Теката, специалист по умла...

-- Это может говорить за себя. -- Голос женщины как ножом отрезал слова Рихата.

Она смотрела прямо на Кира; в ее глазах не было ни страха, ни благоговения. Он почувствовал силу разума женщины, внутри нее таилась укрощенная психическая сила.

-- Ты видишь замешательство в его глазах, костогесантник? -- спросила она. -- Страх, который он чувствует в присутствии

ангелов смерти Императора?

-- Милорд, вы оказали нам честь своим присутствием... -- вскинул Рихат, его лицо побледнело.

Кир не отрывал взгляда от Текаты. Он чувствовал в ее глазах соперничество, вызов.

-- Почему ты здесь, костогесантник? --

спросила она, наклонив голову, и Кир понял, что она видела ему подобных раньше, возможно, видела и пережила больше, чем большинство людей могло вообразить. Она была псайкером притарис, боевым псайкером и оккультным специалистом, и могла быть равной или превосходящей его в силе. Он удивился неприязни и гневу, которые расходились от нее, словно легяное облако.

— Нас вызвали, леги, — сказал невозмутимо Кир. — Мы перехватили призыв о помощи, который указывал на то, что эта станция под угрозой. Мы прибыли, чтобы ответить на этот призыв.

Рихат озадаченно посмотрел на Текату, которая ответила на пристальный взгляд Кира. Полковник покачал головой, нахмурившись: — Милорд, мы никакого сигнала не отправляли.

...

Кир перелистывал по одной костяные карты. Его глаза сосредоточились на изображениях, в то время как разум

метался

между выводами и вероятностями. Ни один из них ему не нравился.

Комната была гүлкой и яркой. Из бледно-зеленого каменного пола поднимались белые трапезные столбы. Свет бил из групп светосфер, подвешенных на цепях к сводчатому потолку. Узрения на высоком готике покрывали каждый сантиметр

помещения. Рихат сказал, что это слова утраченных сообщений, услышанных астронавтами за тысячи лет существования

станции. Утраченные слова наполняли множество комнат. Ему сказали, что некоторые верили, будто слова фортировали в

некотором смысле пророчество, что можно было предсказать судьбу из их обрывочных фрагментов. Это убеждение казалось Кирү уместным.

На столе с темной крышкой, рядом с колодой костяных карт вращалась и

звучала голозапись астронавтического сообщения.

С момента прихода сюда Кир вслушивался в нее снова и снова. Он считал, что сигнал пришел с этой станции, но также было очевидно, что станция не просила о помощи. Тем не менее, он пока не хотел уходить, было слишком много вопросов без ответов.

Фобос кивнул в ответ на приказ остаться, но Кир чувствовал несогласие сержанта в его почтительном ответе: зачем

тратить еще больше времени? Потому что видение и ощущение, которые я не могу разделить с тобой, были ответом,

который остался невысказанным. Сержант ушел с Рихатом, чтобы проверить тактическую готовность станции, в то время

как Кир попросил уединенное помещение. Они привели его в комнату с колоннами, где он и остался, погрузившись в раздумье на несколько часов.

"Слепец, идущий к забвению -- вот кто я", -- подумал он.

Костяные карты представляли собой полоски полированной слоновой кости длиной с палец человека. С одной стороны каждой карты глядел замысловатый рисунок, искусно выполненный выцветшими красками. Каждое изображение переплетали слова на высоком готике. В руках псайкера, чувствительного к отражению будущего в волнах варпа, карты

могли показать скрытые тайны о том, что было и что могло быть. Это была старая форма гадания, которая существовала в

различных вариантах на протяжении тысячелетий. Узоры карт дошли со времен, предшествовавших великой тьме Эпохи

Раздора, эпохи утраченной истории и забытых знаний. Костяные карты, перебираемые пальцами Кира, были изготовлены

на Сабатине, родном мире Белых
Консулов. Кир пользовался этой колодой
свыше двух столетий, и они были частью
него в

той же мере, что и доспех, одетый на его
тело.

Он перевернул следующую карту. Слепой
Оракул сидел поверх Девяти Клинков:
запутанные следствия, парадокс и ложь.

-- Судьбоплет... -- затрещал рядом с ним
голос с записи. Он поднял руку, чтобы
перевернуть последнюю карту.

Видение пронзило его мысли, как нож.

Меч в его руке, кровь, стекающая по ней и
шипящая при соприкосновении с
заключенным в оружии пламенем. Меч
поворачивается в его хватке, пригвоздив
пернатую плоть к полу. Отвратительный
воплъ, отражающийся в нем,

заглушает крики его братьев вокруг. Свет
стекает как вода с лица, похожего на
освежеванную птицу, стекает в пол,
пронизывая металл, тая его, становясь
им. Рот открывается, чтобы сказать...

-- Я вижу, вы -- специалист по прорицанию,
-- произнес голос неподалеку. Реальность
вокруг Кира вернулась, оставив его с
тупой болью позади глаз. Он поднял глазами
от перевернутой карты на говорившего.
Это был худой и сгорбленный временем
мужчина, с его сутулых плеч ниспадал
зеленый шелк мантии. Тонкую шею
окучивал черно-золотой шарф, а
исторщенное и
бородатое лицо венчала шапочка из синего
вельвета. У него не было глаз, но пустые
глазницы, казалось, наблюдали за
Киrom. Кир почувствовал разумом
призрачное прикосновение психических
чувств человека к своей коже. Человек
улыбнулся, продемонстрировав Киру
кривые зубы.
-- Я никогда особенно не интересовался им,
-- сказал человек. Он поднял руку и пожал
плечами. -- Я знаю. Считается, что
астропаты связаны с подобными вещами:
глубокие отголоски вселенной, посвящение
в вечные тайны. Но, должен

признаться, нахожу это скучным и отнимающим слишком много сна. -- Кир почувствовал, что улыбается. Мужчина проковылял поближе, постукивая при ходьбе серебряной тростью. -- Прошу прощения, что потревожил, но я посчитал, что

должен извиниться за то, что не поприветствовал вас. -- Старик наклонил голову, из-за чего на короткий момент стал более

сутулым. -- Меня зовут Колофон; я -- старший астронавт этой станции.

-- Эпистолярый Белых Консулов Кир Аврелий, -- сказал Кир и, недолго думая, поклонился в ответ.

Колофон широко улыбнулся.

-- Гм, библиарий Агентус Астартес. Неудивительно, что Текама такая раздраженная. Она не терпит конкурентов.

Кир вспомнил вызывающий взгляд притарис псайкера, когда они встретились у стыковочных ворот.

-- Я уверен, что она -- достойная слуга Империи, -- сказал он осторожно.

-- У вас должно быть терпение дарованное Императором. Я ее не выношу.

Колофон шагнул ближе, наклонившись над медному столу, на котором по-прежнему вращался записанный сигнал.

Естественность движений Колофона поразила Кира. Астронавты часто обладали психическими чувствами, которые

позволяли им видеть мир сквозь вуаль теленатического резонанса. Но если бы не пустые глазницы, Кир сказал бы, что старик отлично видит.

Колофон наклонил набок голову, вслушиваясь. Запись проскрежетала последние слоги и начала заново.

-- Значит это тот сигнал, который привел вас сюда и так озадачил всех?

Кир кивнул.

-- Да, это то, что привело нас сюда. Он искажен, но похож на призыв о помощи.

Колофон не ответил, но подождал, пока

сообщение не закончилось.

-- Да, да. Я понимаю, что вы имеете в виду, -- сказал он, наконец. -- Но, как и говорили вам Рихард с Гекатой, отсюда не отправляли сигнала. Но крайней мере, не такого содержания. -- Он тихо застонал. -- Я бы знал. -- Он отвернулся от проекции, с шумом втянув воздух. -- Библии сводя в основах астронавтической передачи; вы не задумывались о

вероятности временного искажения?

Эта вероятность приходила на ум Кирку. Астронавтические сообщения передавались через варп и были подвержены

воздействию нестабильного течения времени в этом измерении. Сообщения могло прийти через тысячелетия после отправки, или разбито на непонятные куски, или даже прийти раньше, чем было отправлено. Сообщение могло быть

призывом из будущего, ожидающего сразу за горизонтом настоящего. Эта вероятность неизвестного будущего

заставила

Кира помедлить с ответом.

-- Мне приходило это на ум, -- сказал Кир.

-- Думаете это возможно?

Колофон пожал плечами.

-- Вероятность беспокоит вас?

Кир вспомнил пепел мертвого мира на своих пальцах.

-- Да, особенно в свете последних событий.

Брови Колофона поднялись.

-- Последних событий?

Кир нахмурился. Вторжения были только фрагментами внезапно вспыхнувшей войны вокруг Ока Ужаса. Вечно беспокойное

место в последнее время стало местом всеобщей войны, войны, которую Империя могла проиграть. В нее были вовлечены

силы нескольких Оргенов и фронт расширился.

-- Вторжения из Ока, -- сказал он, -- появление «Проклятой Вечности». Это стратегическая станция; сообщение об этих

событиях должно было пройти через нее.

Колофон покачал головой.

-- Это ретрансляционная станция: сотни
моих коллег прослушивают космос на
предмет сообщений, принимая их и

передавая дальше за пределы
досязгаемости первоначального
отправителя. Мы слушаем сообщения,
которые проходят

через нас, не более чем труба пробует
воду, которая проходит через нее.

-- Я считал, что как старший астронавт,
вы должны были получить сообщение о
войне...

По лицу Колофона пробежали морщинки,
когда он нахмурился.

-- Нет, я просто занимаюсь потоком
сообщений, а не их содержанием. Если кто-то
и знает, так это Теката. Она видно

посчитала излишним сказать мне. Она
наш главный сторожевой пес, наш
«специалист по империуму». Почетная
должность, хотя она ненавидит тот
факт, что примарис должен сидеть здесь

и следовать за нашими менее одаренными
душами. -- Он фыркнул. -- Никогда бы не
догадались, не так ли?

Послеговала пауза и Кир собрался снова
заговорить, когда старик казалось
страхнул с себя тревогу. Он немного
натянуто

улыбнулся и постучал тростью по полу.

-- Давайте пройдет, Белый Консул Кир
Аврелий. Это полезно для моих костей и
уменьшит ваши тревоги. -- Он вышел,

стуча кончиком трости. Кир пошел
следом, размышляя над отголосками и
сообщениями из неизвестного будущего.

...

Полковник Рухат никогда прежде не
видел ангела смерти. Он был солдатом
большую часть своей жизни, видел, как

убивают люди -- несколько пиратов во
время зачистки приграничных миров,
несколько дезертиров, но никогда не

участвовал ни в чем крупнее перестрелок.

В своем старом полку он был взводным
офицером, хотя через несколько

десятилетий понял, что повышение ему не грозит.

Однажды полк был переброшен к Кадийским Вратам. Он находился в пути с места несения гарнизонной службы на захолустном рудном мире и пропустил передислокацию. Рихат отстал, и поэтому его отправили в Теликоновскую Гвардию.

Теликоновская Гвардия была полком ветеранов, собранным из частей, понесших такие большие потери, что не представляли собой боевую силу. После слияния солдаты отказались от прежних цветов и взяли бледно-желтые и красные для нестроевой формы и бронзовый для боевых доспехов. Большинство были из полков, сформированных в системах вокруг Ока: суровые жители ульев или отбросы общества с миров, где можно было увидеть свет Ока в ночном небе.

Рихат знал, что не имеет права на уважения от мужчин и женщин, находящимся под его командованием.

Должность

досталась ему формально: по прибытии он оказался старшим офицером и поэтому получил эту должность. Он знал, что не был героем. Он делал все возможное и пытался опираться на тот опыт, что у него был. Но этот опыт не включал

идеальное знание Агентус Астартес.

Его первой реакцией был страх. Когда противоборствующие гверы станции открылись, Рихат почувствовал, как в кишках

сжимается холодный узел. Дело было не просто в размерах воинов, в том, что они были выше любого солдата, стоявшего

позади него. А в том, как они двигались и смотрели на тебя. Он вспомнил, как ребенком увидел одного из ледяных львов

родного мира. Зверь бежал неслышным шагом по дороге в тундре перед их машиной. Его движения были медленными, ног

узорчатой шкурой играли мышцы. Лев остановился и посмотрел на них. Рихат

взглянул в желтые глаза зверя. За секунду он понял, что смотрит в душу того, кто абсолютно равнодушен к нему, чьей сутью было убивать или нет по собственному выбору. Глядя в глаза Кира полковник ощутил отголосок того воспоминания.

Второй реакцией было любопытство. Тот, кого звали Фобос, попросил показать станцию, и вот Рухат идет рядом с ангелом

смерти по коридорам и колоннадам станции. Пока они шли, полковник не смог удержаться и взглянул на грубое лицо

костогесантника. В нем была сдерживаемая свирепость, нечто хищное в расположении глаз и бровей. Он задумался, какая душа таится за этим лицом.

-- Вас что-то беспокоит, полковник? -- спросил Фобос холодным рыком.

-- Нет, милорд, -- ответил Рухат, тщательно стараясь скрыть свою тревогу.

Костогесантник заворчал.

-- Фобос, полковник. Я -- не милорд, а вы -- командующий офицер. -- Он обратился

бесстрастный взгляд на Рихата. -- Моего имени будет достаточно.

Рихат коротко кивнул, чего Фобос, казалось, не заметил.

Они повернули в широкий коридор, который тянулся внутри километровой ширины центрального комплекса станции. Стены

из зеленоватой бронзы поднимались аркой к центральной балке, с которой свисали зажатые в орлиных когтях крепления светосферы. Это был самый большой из центральных коридоров. От него можно было добраться до любой части станции.

-- Вы прежде не видели воина Агентус Астартес.

Это было обычное утверждение, понял Рихат. Было трудно понять, что подразумевал Фобос. В его словах не было эмоций, но крайней мере, Рихат не смог распознать их. Он увидел, как женщина в мантии шифровальщика посмотрела на Фобоса и

перестала бормотать монотонические

команды.

-- Нет. Я думаю, здесь немногие видели.

-- Примарис псайкер, которую зовут Текатой, она видела, -- сказал Фобос тем же монотонным рыком.

Рухат нахмурился. Казалось, Теката знала намного больше любого и никогда не стеснялась говорить об этом. То, как

псайкер разговаривала с костогесантниками в стыковочном отсеке, шокировало Рухата. Она словно презирала их.

-- Возможно, -- сказал он, покачив головой от мысли, что кто-то мог стоять лицом к лицу с этими созданиями и говорить с ними, как с малолетними детьми. Но Теката именно так и поступила.

-- Мы странно выглядим для вас?

Вопрос заставил Рухата затормозить от удивления. Ему почти захотелось улыбнуться.

-- Да. Честно говоря, да.

Фобос задумчиво заворчал, слегка кивнув головой в оправе брони.

-- Ангелы смерти среди смертных.

-- Да, что-то в роде этого, -- сказал Рихат, нахмурившись. На мгновение он услышал намек на нечто нехарактерное для

голоса костогесантника.

Фобос остановился и повернулся к Рихату. Позади них с лязгом застыла почетная стража. Темно-серые глаза

костогесантника среди полос гладкой рубцовой ткани, не мигая, смотрели на Рихата. Доспех Фобоса был белым, но Рихат

видел под краской зарубки и отметины. Крест на левом наплечнике Фобоса представлял собой череп из темного камня. На

месте отшлифованных повреждений были заплаты. На поясе висел меч в отделанных бронзой ножнах, его рукоятка была

обтянута кожей, а серебряная головка эфеса сделана в виде черепа. Рихат усомнился, что сможет без труда поднять клинок.

Доспех Фобоса щелкнул и завыл, когда он сменил позу, наклонившись поближе. Запах машинного масла заполнил ноздри Рихата. Он поднял брови.

— Скажите, похож я на ангела?

— Нет... Нет, не похожи. Вы выглядите как самое ужасающее существо, которое я когда-либо видел.

Едва заметная улыбка протелькнула по лицу Фобоса.

— Очень хорошо, полковник, — сказал он и, повернувшись, зашагал дальше. Казалось, он при движении рычал.

Через несколько шагов Рихат понял, что костодесантник тихо смеется.

...

— Сколько времени вы были прорицателем?

Вопрос был задан после нескольких часов прогулки по коридорам и залам станции Клароса. Кир шагал рядом с

шаркающим стариком. Они разговаривали, и Кир понял, что ему начинают нравиться иронические

замечания и колкие

вопросы.

-- Сколько себя помню, -- ответил Кир. Недолгие годы его юности всплыли в его разуме. Страх его родителей перед странностью ребенка, вызывающий дрожь ужас его снов -- далекое прошлое на планете, которая теперь существовала только в его памяти. -- Это был первый признак моего таланта. Я видел обрывки событий, которые затем происходили.

Колофон кивнул.

-- Первое пробуждение психического таланта всегда наихудшее испытание, -- мягко сказал старик.

-- Да, -- согласился Кир. Библиарий задумался над тем, что могло случиться с ним, если бы он не оказался достаточно сильным разумом и телом, чтобы быть переданным с Черных Кораблей Белым Консулат. Ходил бы он по этим коридорам, слепой ко всему за пределами своего мысленного взора?

Они повернули к центральному помещению одного из пяти крыльев станции. Оно было достаточно широким и высоким,

чтобы между его каменными столбами мог пройти танк. На черном каменном полу толпились люди. Много пронеслись

шифровальщики Административного борта мнемонические рифмы. Они переносили информацию из одной части станции

в другую. Агенты общались небольшими группами, их рты скрывали широкие серые капюшоны. Служа в серо-коричневых

робах несли стопки медных инфоскипетров, на бритых головах сияли татуировки-метки их службы. Из толпы за Киром

следили широко раскрытые глаза, на лицах людей стесались страх и благоговение. Некоторые опустились на колени, пока

он проходил. Это составляло ему неудобство. Он был воином, привыкшим к

обществу своих братьев, а не
низкопоклонству

тех, кого он пытался защищать.

-- Должно быть, это тяжкое бремя, --
сказал Колофон, прервав размышления
Кира. -- Видеть будущее, знать, что
должно
случиться.

Кир пожал плечами, и это движение в
госпехе вызвало громоздкое стечение
защитных пластин.

-- Это инструмент, вот и все. Оружие,
которым я пользуюсь ради моего Оргена и
Ципериума.

Колофон обратил слепые глаза на Кира, и
библиарий почувствовал, как психические
чувства старика сфокусировались на
нем.

-- Это видение грядущего делает вас
таким выжидающим и обеспокоенным, мой
друг? Вы знаете, что здесь что-то
произойдет?

Кир задумался об одном из знаков на
костях, обрывках ощущения и видения.

рычащих лицах, птичьих воплях, своей
вытекающей жизни.

-- Иногда знамение неверно или имеет
много толкований, -- сказал он осторожно.

-- Если оно даже кажется понятным,
действие на основании знания о нем
может изменить это будущее.

-- Очень ясный ответ на необычный вопрос.

-- устехнулся Колофон, повернувшись,
чтобы повести их к арочному проему,

ведущему из комнаты с колоннами. За
дверью спускалась вниз спираль широких
железных ступеней. Внизу было

переплетение нескольких коридоров и
тесных комнат. Большинство были

закрыты обитыми медью дверями. Через

открытые двери Кир увидел фигуры,

которые при свете свечей полировали

инфоскипетры. В других комнатах

сидели

кураторы переставляли между полками

кины пергаментных свитков. Они подняли

глаза и смотрели, как проходят Кир с

Колофоном.

"Это помещение для сотни астронавтов, которые сидели в его центре", -- подумал он, -- "но здесь кровь и плоть станции, не знающие отдыха и постояннодвигающиеся по кромке теней других".

-- Скажите мне, -- сказал Колофон, и Кир услышал изменение в его голосе, оттенок беспокойства. Кир остановился, и

Колофон повернул к нему лицо. Мерцающий свет свечей из боковой комнаты придал лицу старика вид поддерживающейся

маски привидения. -- Что вы видите в грядущем?

-- Кровь, Колофон. Я вижу кровь и разрушение.

...

Астронавтическая комната была местом шепотов. Круглая чаша шириной в пятьсот шагов, стены которой поднимались

ярусами серых каменных сидений к куполообразному потолку из черного стекла. На каждом ярусе сидели сотни

астронастов

в зеленых мантиях. Их разумы были открыты империуму, как сети, брошенные в волны глубокого океана.

Собранные в

таком количестве они могли отправлять сообщения на огромные расстояния. Они были хороши разумов, действующим

сообща, но все по-разному реагировали на свои задания. Некоторые боржотали вереницы слов, или словно ворочались в

прерывистом сне. Другие сидели неподвижно, как статуи, и тяжело дышали. Воздух был спертым, насыщенным запахом

пота, лагана и психической энергии. С потолка свисали эфирные сенсоры, чувствительные к потоку энергии внутри помещения, готовые среагировать на любое отклонение. Даже псайкеры, связанные душой с Императором, рисковали,

когда собирались вместе в большом количестве. Для хищников, которыми

кишели призрачные волны варпа, такое собрание было ярким светилот. Сенсоры были нужны, чтобы предупредить о любом опасном уровне психической активности.

Тишина нарушилась без предупреждения, когда астронавт на третьем ярусе застонала и затряслась в трансе. Наблюдатели

оторвали глаза от своих экранов и направились к ней. Когда агенты были в шаге от нее, она выгнула спину и закричала.

Астронавт забилась в судорогах, раздался треск ее костей. Над ними раскололись эфирные сенсоры. Из рта женщины

заструился туман, распространяясь в воздухе. Он коснулся другой фигуры в зеленой мантии и тут же завопил новый голос.

Агенты на мгновение застыли, а затем бросились к системе герметизации.

Все больше астронавтов начало кричать. Взорвались сенсоры, осыпав искрами

сиденья. На каждом ярусе забились в
конвульсиях тела в зеленых мантиях, их
пальцы вцепились в каменные
подлокотники кресел, из пустых глаз
потек гной. В

воздухе распространился тяжелый запах
железа и сырого мяса. Голос за голосом
соединились в ураган шума, подобно
зову хора проклятых. Но сводчато
потолку побежал иней. В центре зала
агенты и стражники упали на колени.
Некоторых

стражников стошнило, когда они
почувствовали голоса в своих разумах,
голоса, которые стонали и молили о
пощаде.

Завыли сигналы тревоги, но их звуки
утонули в хоре воплей.

Они начали умирать. Один открыл рот, и
жидкое пламя хлынуло на его тело, плоть
осыпалась с костей. Другой попытался
встать, кабели оторвались от черепа. Он
споткнулся и взорвался влажным облаком
кожи и фрагментов костей. Остальные

поднялись с воплями, прежде чем растворится в дым и черную пыль.

Звук стал громче, вопли наслаивались друг на друга, пока из солен глоток не завизжал единственный голос.

За пределами комнаты паника распространилась по станции в сигналах тревоги, лязге запирающихся противовзрывных

дверей и криках бегущих гвардейцев.

В астронавтической комнате крики превратились в одно слово.

Затем все стихло, за исключением звуков капающей крови и таяко оседающего непла.

...

Кир бросился бегом через двери, его шаги сотрясали пол. Позади него Рухат изо всех сил старался не отстать от Белого

Консула. За ними следовала солдаты Теликоновской Гвардии. Кир находился в командном пункте станции, когда заревели

сигналы тревоги, а сервиторы, обслуживающие сенсорные системы начали

бессвязно бормотать. Рихат побледнел, а затем побежал, приказав солдатам следовать за ним. Кир обогнал его только через десять шагов.

Когда Кир вошел в астронавтическую комнату, его поразили психический удар, от которого он зашатался. Кристаллическая матрица психического капюшона сияла тошнотворным светом, компенсируя пульсирующую вокруг него необузданную энергию. В зале произошел психический всплеск огромных размеров, и мощное эхо его ярости все еще не прошло. На полу скопилась темная жидкость; стянутые тела сидели в своих каменных креслах. Кир услышал, как за спиной вырвало нескольких гвардейцев. В воздухе стояла вонь колдовства: резкий озоновый запах, который снова вызвал в его голове искаженные лица из видения. Он осмотрел помещение, опустошение в котором освещали искрящиеся светосферы.

-- Разойтись, -- приказал он. -- Ущите выживших, будьте готовы к любым

враждебным действиям. -- Гвардейцы разошлись,

прочесывая затемненные участки. Со штурмболтером в руке Кир двинулся вглубь комнаты.

Тела устлали каменные ярусы грудями переплетенных конечностей. Все вокруг покрывал слой пыли, из-за чего мертвые походили на причудливые скульптуры. В воздухе все еще медленно оседали мельчайшие останки. Кир увидел оторванную

руку на белоснежном покрове, ее пальцы были скрючены. Там где люди ползли к дверям, они оставили в пыли следы.

Темные пятна впитались в пенел, и шаги Кира оставляли после себя красные отпечатки.

К нему пошатываясь, шел человек с расширенными глазами на перепачканном кровью лице. Когда он двигался, с него сыпалась пыль. Кир узнал знаки старшего агента на мантии человека. Он что-то говорил Кире, губы двигались, но слова

были приглүшены. Кир не опу́скал ствол
болтера.

-- Что ты сказал? -- спросил Кир. Рот
агента снова произнес половину звуков. --
Что ты сказал? -- повторил Кир.

-- Он сказал, что они кричали одно и то
же, -- раздался за спиной резкий голос.

Кир повернулся и уви́дел, как в комнату
входит прихрамывающий Колофон.
Библиарий посмотрел в глаза старого
астрона́та и уви́дел выражение на лице
человека, которое не смог прочесть.

Колофон подошел к агенту, который
раскачивался там, где стоял.

-- Я ви́жy это в его мыслях, -- добавил он. --
Он думает только об этом. В конце они
кричали одно и то же слово.

Кир посмотрел на агента и уви́дел
безмолвное слово в форме двигающихся губ.
Консул почувствовал, как по нему
пробежался холодок, когда произнес это
слово вслух: «Судьбо́плет».

Агент кивнул, его глаза были расширены
от страха. Кир подумал о записанном

сигнале и видениях, которые не покинут
его.

Все происходило именно так, как он
боялся. Демон пришел, чтобы уничтожить
это место, как и многие другие ранее.

"Нагу ли я", -- подумал он, -- "смогу ли
бросить вызов этому року?"

-- Не все погибли, -- сказал Рухат,
склонившись над другим человеком в
зеленой мантии, который растянулся на
полу. --

Некоторые пережили, что бы это ни было.

Кир увидел, как несколько разбросанных по
комнате тел слабо пошевелились, но все
же они были живы.

-- Что-то приближается, -- сказал он,
взглянув на сутулого человека рядом с
собой. -- Колофон, нужно немедленно
отправить сообщение.

Но старый астронавт покачал головой.

-- Вы не чувствует это? Варн вокруг нас...

-- Колофон ненадолго закрыл глаза, но его
сутулому телу пробежала дрожь. --

Варн вокруг нас -- это пелена боли. Через

нее не пробьется ни одно сообщение. Даже если кто-нибудь из моих братьев и сестер оправится, сделать это будет невозможно.

Кир потянулся психическими чувствами и ощутил пелену агонии, окружающую станцию. Словно вокруг них находилась колючая паутина, шириной с тень. Старик был прав: ни одно теленатическое сообщение нельзя было отправить.

Колофон угрожал и почти упал, прежде чем Рухат подхватил его и посадил на край первого каменного яруса.

-- Мы сами по себе, -- сказал астронавт. Старик поднял голову, и Кир увидел, как он овладевает паникой. -- Эвакуация? -- Его голос дрожал от страха. -- Ваш корабль может многих забрать. Мы могли...

-- Нет. -- Кир прервал старика. -- Он может забрать некоторое количество, но что с остальными, Колофон? Что с теми, кого

мы оставим?

Колофон мгновение смотрел в глаза Кира,

а затем опустил взгляд. Трость в его руке грожала .

-- Какие будут приказы, эпистолярый? -- спросил Рихат.

Кир повернулся, взглянув на яростную колоннату и неподвижные фигуры, которые никогда не встанут со своих мест.

Несколько выживших начали звать из теней.

-- Приготовиться к обороне. Мы сами по себе, а значит должны рассчитывать только на себя.

-- Сколько у нас есть времени до начала атаки? -- спросил Рихат. Он был бледен, а в расширенных глазах Кир видел страх.

Эпистолярый посмотрел на полковника, а затем на свертывающуюся кровь под их ногами.

-- Она уже началась.

ОБЕСКРОВЛЕННЫЕ

-- Плоть погвеет, костодесантник, -- сказала Теката, и Фобосу пришлось сдержать свой гнев в ответ на презрение в ее

голосе. -- Против приближающегося врага вот наша истинная защита, -- Теката подняла посох и указала на черный столб, который возвышался перед ними. Вокруг него вились связки гудящих кабелей, а печати чистоты покрывали почти каждый

дюйм поверхности. Фобос видел искусные узоры знаков, запечатленных на обсидиане под трепещущими полосами

пергамента. Помещение имело форму узкого бронированного цилиндра, который вслед за столбом поднимался в темноту.

Воздух был насыщен статическим зарядом, который маленькими дугами

играл на его доспехе.

Фобос несколько часов проверял оборону станции. Его глаза оценивали каждое готовое оружие и стратегический пункт, мозг анализировал возможные слабости. Части Теликоновской Гвардии ждали в каждом из пяти крыльев станции. Белые Консулы под его и Кира командованием разбились на небольшие подразделения, готовые среагировать на возможный прорыв врага. «Эфон» оставался пристыкованным к станции с готовыми к бою орудиями. Это был план Кира и Фобос не

мог придаться к нему, учитывая их ресурсы, но ключ к обороне находился перед ним.

Столб был генератором поля Геллера. Проецируемый ил щит было продуктом могущественной технотэгии. Обычно используемый для защиты кораблей при переходе через варп, здесь он предназначался для ограждения станции от

демонического нападения.

Фобосу не нравилась Теката, но он понимал, что она права. Помимо его братьев, в распоряжении имелся полк

Геликоновской Гвардии Рухата, батареи макроорудий, навесных в костос и пустотные щиты, которые могли держать на

расстоянии боевой флот. Но, как подчеркнула Теката, они имели дело не с флотом. Она была примарис псайкером,

специалистом по империуму и обладала секретами, которые Фобос никогда не узнает. Последние часы она делилась

своими мыслями, и каждый комментарий был как верным, так и язвительным. Ее последнее замечание было именно таким.

Настоящей защитой станции было поле Геллера.

Поле окружало центральную секцию станции, защищая ее от демонического нападения. В нем были незащищенные участки, трещины в невидимой стене,

через которые сможет пройти демон. Это
будут места, где плоть и кости должны
будут противостоять врагу. Если демоны
пробьются через щит, тогда наступит
бойня. Фобос подумал о тысячах

гражданских, толпившихся в помещениях
центрального узла, перебирающих
пальцами четки, борточущих мольбы
Императору о защите от своих страхов.

-- Они на полной мощности? -- спросил
Фобос.

-- Сейчас запускают генератор, -- сказал
Рихат, сверяясь с инфопланишетом в
медной оправе. Когда он закончил, палуба
начала дрожать. По всему столбу
извивались яркие электрические цепи.
Печати чистоты шелестели, словно на
поднимающемся ветру. В ухе Фобоса
зазвенел предупреждающий сигнал, когда
его доспех зафиксировал растущий
всплеск напряжения.

Столб угрожал и издал звук, похожий на
колокольный звон под водой. На его
поверхности образовался покров тарева.

Фобос услышал резкий гул, как от вибрирующего стекла.

-- Поля на максимальной мощности, -- сказал Рихат, подняв голову и нервно проведя рукой по голове. -- Я десять лет командовал здесь Гвардией и ни разу полное поле не было активировано.

Фобос услышал скрытые страхи в голосе полковника. Рихат был командиром, выбранный на этот пост благодаря своему происхождению. Но он никогда не сталкивался с врагом, который сейчас приближался к ним. Когда Фобос положил руку на

плечо человека, ему в голову пришла непрошенная мысль: «Может быть, ты очередная слабость в моей броне, Рихат».

-- Это не единственная наша защита, -- сказал Фобос. Полковник посмотрел на безобразное шрамом лицо Белого

Консула, и Фобос увидел неуверенность в его глазах. -- Мы должны держаться, выйдут из строя эти поля или нет. Если они

погведут, плоти и духа должно быть достаточно.

Рядом с ним настешило фыркнула Текама.

-- Верно, космогесантник, -- сказала псайкер с мрачной устешкой, -- но если дойдет до этого, станция падет.

...

Затишье перед бурей наполнило комнату с колоннами, где вооружались Белые Консулы. Они разбились на отделения и тихо переговаривались, пока сервиторы прикрепляли пергаменты с клятвами к их наплечникам. Воздух наполнил лязг оружия и запах лагана.

Кир стоял отдельно, его мысли вернулись в прошлое. У него не должно было быть воспоминаний из прежней жизни, до того, как он стал Белым Консулом. Годы психической обработки и обучения Агентус Астартес должны были стереть все следы того, кем он был. Но он помнил. Иногда Кир задавался вопросом, было ли это отражением его пророческого дара.

Он не мог воскресить в памяти многого из той жизни, но помнил день, когда прибыли Черные Корабли. Они появились из-за полуденного солнца и повисли в синем небе, как невероятные затки. На склонах гор и на равнинах люди смотрели из теней, которые отбрасывали корабли. Кир не понимал, что это значило, но старейшины деревни знали. Они смотрели на

него со страхом, когда собрались вокруг костра в зале собраний той ночью. Старейшины сказали, что корабли в небе были

охотниками за колдунами Небесного Бога, и что они пришли, чтобы забрать причитающееся богу.

В их мире было много колдунов. Большинство убивали или изгоняли, но каждый год рождались новые. Когда посланники

Небесного Бога пришли, они забрали на звезды всех колдунов, которых смогли найти.

Если бы они обнаружили, что колдун
прячут, их гнев был бы ужасен. Кир
слышал разговоры старейшин и знал, что
произойдет.

Его мать несколько лет хранила в
секрете его способности, но это не могло
долго продолжаться; он был слишком
странным. Иногда он выкрикивал
странные слова во сне или знал, что
собирался сделать кто-нибудь, прежде чем
это

происходило. Люди заметили и люди
говорили об этом.

Той ночью его отец сидел среди людей, он
был бледен, мало говорил и не смотрел на
сына. Его мать пыталась спрятать
его, она спорила с отцом, возмущаясь
сквозь льющиеся слезы. Это не
подействовало. Жители деревни ждали
снаружи,

пока отец не вывел его. Они отвели его на
равнины, где ждали спустившиеся с неба
храмы, поглощавшие глинные

вереницы людей: озадаченных стариков,

отшельников с безумными глазами и плачущих детей. Кир не плакал; в этом не было смысла. Он знал, что должно случиться.

Мир выдал своих колдунов, но в конечном итоге это не имело никакого значения.

Десятилетие спустя здесь родилась группа неконтролируемо могучих альфа-плюс псайкеров. Империя сжег планету с орбиты, превратив ее в шлак. Далеко в своей келье на Сабатине, Кир проснулся со вкусом перла во рту.

Кир моргнул и провел языком по рту. Воспоминание передало ложное ощущение того вкуса на небе. Сервиторы отошли, от остывающего воска на только что прикрепленных пергаментях поднимался дым. Он кивнул, сжав руку в перчатке.

Стволы

штурмболтера прокрутились с металлическим рыком. Другой сервитор подъехал на гусеницах, держа его шлем в руках-

захватах. Шлем с шипением

зафиксировался на его голове. На мгновение
его окутала сплошная темнота, пока
перед

глазами не замерцали светящиеся данные.

«Теперь мы ждем грядущую бурю»,
подумал он.

...

В бездне за корпусом станции раскололся
пространство, как разрезанная ножом кожа.
Светящиеся тизмы вырвались из
отверстия, заняв свет звезд. Они
извивались в пустоте, образуя кольца и
завитки, подобно молоку,
свертывающемуся в

красном вине. Полусформировавшиеся
фигуры зашевелились в расширяющемся
облаке, когда тысячи голодных глаз
обратились на станцию. Отверстие
расширилось, и облако увеличилось в
размерах.

Кларос грозила наполненной металлом
яростью оружейного огня. Лучи энергии и
потоки снарядов прочертили черное
пространство. Они ударили в

волной вытянувшихся когтей и обнаженных
зубов.

...

Кир закрыл глаза. Звук и образы исчезли,
пока не осталось несколько ощущений:
знакомое прикосновение

терминаторского доспеха к коже, вес меча
в руке, и потертые участки перчаток,
согнувшись, когда он передвинул руки на
обмотанном кожей эфесе. Клинок был
острым, его лезвие трепетало.

Он открыл глаза. Мимо пронеслись стены
шахты лифта из темного металла,
красный свет глаз его братьев разбавлял
темноту. Рядом с ним стоял Гальба и его
отделение. Всего шесть фигур в
призрачно-белом, синий цвет их шлемов
растворился в слабом освещении. Над
ними удалялось вершина шахты лифта.
Перед глазами Кира мигали цифры,
производя обратный отсчет расчетного
времени до боя.

Враг проник в туннель под пятым крылом
станции. Подразделение Теликоновской

Гвардии, оборонявшее незащищенный щитом туннель было на грани прорыва. Воксе Кира проносились панические голоса, а дисплей шлема наполнил тактические оценки. Там происходила бойня.

«Вот для чего ты существуешь», — подумал он. — «Вот для чего ты создан: шагнуть в неминувшее поражение и отбросить судьбу».

Платформа лифта остановилась с металлическим лязгом. Перед Киром ждали противовзрывные двери. Он почти чувствовал, что было за этими закрытыми металлическими зубцами.

— Император повелевает, а мы — Его оружие, — прорычал Гальба позади Кира.

— Император повелевает, а Его воля — ярость, — сказал Кир. Холодная энергия засияла на мече в его руке, лезвие пело в гармонии с разумом. Зарычали ценные клинки. Потрескивающее поле окутало кулак Гальбы, отбрасывая от Белых Консулов мерцающие тени.

-- По Его воле, -- произнесли Белые
Консулы.

Противовзрывные двери со скрипом
открылись. Перед Киром простирался
широкий, круглый переход. Трубы и ребра
жесткости тянулись вдоль него, придавая
ему вид внутренностей огромного
животного. Туннель пересекала презграда
из

сварной пластины высотой по плечо.
Позади нее утирали остатки роты
Геликоновской Гвардии.

На Кира обрушилась звуковая волна: вопли
людей, треск лазганов и нечеловеческие
звуки, издаваемые глотками демонов.

Некоторые из геликонцев отступали,
стреляя в мерцающую завесу, которая
перекатилась через баррикаду.

Меняющиеся

фигуры двигались подобно теням,
отбрасываемым мерцающим огнем.

Кир перешел на бег. Он был в пятидесяти
метрах от барьера, броня вздрагивала от
каждого шага. Мимо него хлестали

лазерные лучи, сверкая при исчезновении в клубящемся тумане перед ним. Солдаты, которые не покинули баррикады,

утирали. Среди них кружились искаженные фигуры со множеством конечностей. Там, где прикасались фигуры, синее

пламя разъедало доспехи и плоть. Одноглазые твари дергали за барьеры гниющими руками. Насыщенный запах гниющего

носа Кира, сводя на нет герметизацию доспеха.

Он был в тридцати шагах. Он начал стрелять, его штурмболтер прошивал огонь отметки угрозы, в клубящемся тумане

расцветали разрывы. Гвардеец отшатнулся от баррикады и на дрожащих ногах шагнул к Кире. Его бледное лицо было

исполосовано кровью, лагган опущен. Позади человека из тумана вытекла фигура. Гвардеец сделал еще один шаг.

Фигура

резко обрела четкость. Она балансировала на вершине баррикады. Ее гибкое тело покрывали тугие мышцы и блестящая кожа. Отражающие тьму круги глаз взглянули на Кира, и существо зашипело, как змея. Кир замахнулся мечом.

Тварь прыгнула и, перевернувшись в воздухе, соткнула свои когти на голове безущего гвардейца. Демон приземлился в хлещущих брызгах крови, а гвардеец рухнул на пол. На мгновение существо застыло, подрагивая, словно от удовольствия.

Оно взглянуло на Кира и улыбнулось ртом с кривыми зубами.

Кир атаковал. Тварь прыгнула, широко раскрыв пасть на странном черепе, глаза сверкали, как лунный свет на инее. Кир полуприсел и сделал выпад мечом. Кончик клинка поразил тонкую шею существа. Раскаленная кровь хлынула по лезвию, когда тварь по инерции налетела на меч. Кир почувствовал, как сущность твари

растворилась в черный пар. Он вырвал меч. Ее смерть в разуме эпистолярия была похожа на вкус меда и желчи.

Следующая тварь бросилась к нему размытым пятном, извиваясь и щелкая когтями. Кир плавным движением нанес режущий удар. Существо качнулось, и меч Кира врезался в палубу в ливне искр. Тварь прыгнула быстрее, чем Кир смог развернуть клинок, когти потянулись к его лицу. Он увидел смерть в глазах демона, ощутил, как тот зовёт его в забвение.

Бронированный кулак с ударом грома сошнулся на теле твари. Гальба поднял разорванное тело и швырнул его на пол.

Сержант опустил ногу на череп и растер его в порошок.

-- Они идут, -- закричал сержант Кир. Гальба повернулся к входу в туннель и его пистолет выплюнул снаряды.

Баррикада пала. Гниющие фигуры перебрались через брешь, ржавые клинки царапали палубу, из ртов сочились слюны.

Цеплявшиеся за баррикаду гвардейцы отступили. Кир почувствовал жужжание внутри головы, прикосновение насекомого к коже. Его штурмболтер поливал огнем. Он продолжал давить на спусковой крючок, оружие поглощало снаряды из барабанного магазина. Цели исчезали и снова появлялись в поле зрения. Он шагнул в брешь, пробитую штурмболтером.

Кир бросил взгляд на Гальбу. Сержант стоял в центре сожженного круга злобеще ухмыляющихся лиц, покрытые слизью клинки кромсали его доспех. Четверо воинов его отделения прорубались к нему ценными мечами. Гальба бросился вперед и схватил рогатую голову покрытой толщей кулаком. Он поднял тварь и выстрелил из пистолета ей в глаз. Голова взорвалась, как незрелый фрукт. Кир увидел, как Гальба превратил в кашу трех тварей, прежде чем кольцо рубящих клинков не сожнулось над ним.

Когти и мечи царапали броню Кира. Его окружили гниющие тела, их желтые глаза

прижались к линзам его шлема. Он попытался пошевелить рукой с мечом, чувствуя, как давление тела пригибает его. Что-то острое нашло сочленение в его голенях. Он чувствовал, как болезнетворные организмы пытаются найти точку опоры в его иммунной системе,

распространяя боль по телу. Вонь демонов проникла внутрь его разума. Он ощущал их голод. Он вспомнил видение:

кружащиеся твари, выскальзывающий из руки меч. Эту ли судьбу он видел? Мысль вцепилась в него, и мгновение он балансировал на грани сомнения.

В нем вспыхнул гнев, подавив боль и сомнения. Он не падет, не здесь. Он отринет эту долю.

В его разуме сформировался образ мысли и чувства. Образ пылал подобно солнцу, запертому в черепе библиария. Кир удержал его на минуту, чувствуя, как тот питает гнев, увеличивая его и раскаляя. Он высвободил мысль. Из него

выбывалось

пламя. Твари вокруг него завопили, когда их плоть изжарилась. Эпистолярый излил свой гнев в огонь, чувствуя, как сила отражает его ярость. Она ожила и усилилась, в то время как Кир стоял неподвижно в сердце раскаленного шторма.

Дисплей внутри шлема заметнился из-за яркости. Демоны вопили в некле пламени, Белый Консул разрывал их сущность на части.

Его тело ликовало от силы, наполняющей его, а психический капюшон стал легяным. Он не хотел прекращать. Он слышал чей-то шепот, призывающий его не останавливаться, отгать себя этой силе, вечно держаться за нее. Это было верно, это

было бы...

Кир выпустил на волю ярость в своем разуме, пылающая сила превратилась в тупую тлеющую боль в черепе.

Его окружила внезапная тишина и неподвижность. Он тяжело дышал, кожа

Внутри доспеха была липкой и холодной.
Пол и
стены коридора вокруг него накалились
добела. Баррикада была искореженной
грудой обугленного металла, похожая на
сколоченную одежду. Спрятав меч в ножны,
он снял шлем. Воздух вонял спекшейся
плотью и серой.

Четверо братьев отделения Гальбы
стояли среди руин баррикады. Зубья их
ценных мечей были покрыты толстым
слоем

липкой плоти. Между ними лежал Гальба.
Его расколотый доспех был облеплен
свернувшейся кровью и желтой слизью.

Шлем представлял собой останки из
раздавленных костей и разорванного
кератина.

Воины Гальбы подняли своего сержанта на
плечи. Они на ходу бормотали
погребальную песнь Сабатина. Белые
Консулы

отнесут его на «Эфон», где он будет
ждать в холодном стазисе, пока не

вернется на родную планету в последний раз.

Слушая древние слова планеты, которая была дотом, но не породила его, Кир понял, что ему нечего сказать.

...

Его новое лицо было глупым и скучным. Он носил больше лиц, чем мог вспомнить, и он забудет это, как только возьмет

следующее. Вокруг него сновали слабые рожденные во плоти. Они называли их солдатами. Он нашел идею такого звания смешной: словно имя могло изменить их стадную животную натуру в нечто более значительное. У него было много имен, как дарованных, так и украденных. Некоторые звали его Перевертышем, но это было не его имя, а описание едва

приближалось к сущности его природы. Он знал, сколь мало значило имя.

Он дышал, чувствуя мир, как чувствовали его рожденные во плоти, глухие к простым стимулам и главным чувствам. Рядом стоял гигантский воин в синем доспехе.

Космогосантники: так их звали рожденные во плоти. Он почувствовало его мысли, ощутило их оттенки, заключенные в них качества и характер. Интересно. Намного-намного интереснее, чем та роль, которую он сейчас исполнял. В самообмане этой личности были такие тонкости и глубины, что изобразить ее доставило бы удовольствие. Но ему требовалось выполнить договоренность, и для этого неприметное лицо, которое он носил сейчас, было тем, что нужно.

Во время битвы он носил форму одного из малых детей разложения, перемещаясь среди лнилых сородичей с безупречной легкостью. Одинокий и забытый на краю бойни, он нашел то, в чем нуждался. Человек прижал ноги к груди и молча рыдал.

«Идеальное лицо», — подумал он. Он уничтожил оригинал, превратив прикосновением тело рожденного во плоти в прах.

Теперь он носил его образ.

-- Харлик, -- раздался голос поблизости.

Мгновенье он стоял на месте, уставившись на выжженную обшивку палубы.

-- Харлик, давай, они нас переводят.

Харлик. Ага, похоже, это имя, которое пришло с этим лицом, глупое имя для глупого существа. Он повернулся и посмотрел

на говорившего. Человек с измазанным сажей крупным лицом и в красно-охровой униформе, перепачканной кровью и рвотой.

-- Да, угу, -- сказала он идеальным голосом, вызванная шоком медлительность соответствовала тому, что сказал бы

Харлик, если бы пережил атаку. -- Угу.

Он последовал за рожденными во плоти, пробуя на вкус их мысли. Большинство боролись с эмоциями и мыслями, которые он не понимал: шоком, ужасом, виной, гневом, надеждой. Он не мог постичь эти чувства, но мог безукоризненно сымитировать их.

С пустыми глазами и сгорбленными плечами он устало тащился с остальными. Когда он направится к своей цели, ему

понадобится новое лицо. Да, он скоро будет носить другое лицо.

...

Слепой человек разговаривал с Киром в его снах.

-- Выхода нет. Твоя судьба предопределена, -- сухо хрипит астронавт, вращаясь в конусе голосвета. Эпистолярый

протягивает руку, но фигура поворачивается и он видит, что у нее два лица: одно ухмыляется, другое рычит; оба слепые.

Он тянется за мечом, но пальцы хватаются за пустоту. Двумерная фигура смеется.

Он падает сквозь исчезающую тень, летит мимо звезд и лун, движется сквозь вечность, его тело -- ложь, время -- ложь.

Он стоит у подножья каменных ступеней, которые поднимаются во тьму. Он

поднимает взгляд. В ответ смотрят
горящие
глаза.

Его братья кричат ему, поблизости
сервиторы безумными потоками
тараторят ког. Он поднимает свой меч.

Он стоит на мостике корабля, который
проваливается сквозь завывающие от
хохота ветра.

Его окутывает тьма.

Космогесантники в синих госпехах. Он
видит на их наплечниках свернувшегося
кольцом дракона. С ними идет фигура в
черном госпехе, со спины складками
переливающихся чешуек свисает мантия
из шкуры рептилии. Они движутся по
загадочно тихим коридорам. Вслед за
ними из стен сочится черная жидкость.
Он зовет их, но они призраки, парящие за
непроницаемой вуалью.

Он опускает меч и две головы астронавта
воняют подобно утирающим воронам.

«Это не произошло. Это будущее», —
думает он.

Слепая фигура поворачивается в конусе
холодного света, ее два лица скалятся,
хохоча обогнуть ртати.

— Нет, это прошлое, — говорит слепой.

Кир открыл глаза с рыком боли. Сервитор
с черепом из полированного хрома
наклоняет голову, глядя на него холодными
синими линзами, поршневая рука висит
над его наплечником. Эпистолярый
судорожно вздыхает.

Арсенал наполняли тени, окружающие
полосы света. Он стоял в центре группы
сервиторов в белых робах, конечности
раскинулись на крестообразной раме,
которая поддерживала вес его доспеха.
Доспех молчал, его машинный дух дремал,
пока сервиторы снимали броню с тела
Кира.

Прошло несколько часов с момента первых
попыток демонов пробиться через брешь в
поле Теллера. Барн по-прежнему
окружал станцию, но после первых атак
было тихо. Тем не менее, это был не мир,
просто передышка перед следующим

штормом.

Обожженный и перепачканный, Кир
вернулся на «Эфон», чтобы снять и
почистить доспех. Он надеялся, что это
отразится

на его теле и разуме, но виски все еще
пульсировали психическим напряжением
битвы. Он не мог перестать думать о
сигнале, который привел их сюда. Чем
больше он размышлял, тем больше был
уверен, что упускает кое-что в сигнале,
сразу за пределами слышимости. Затем
ему снова пришло видение.

Кир кивнул сервиторам, и они
продолжили снимать терминаторский
доспех, убирая пластины и разъединяя
системные

соединения холодными механическими
пальцами.

-- Тяжелый бой, -- произнес голос за
фонарями парящих сервачерепов.

Кир прищурился, встатриваясь в
темноту. Белый терминаторский доспех
Фобоса придавал ему вид трамборной

статусу.

-- Выглядишь усталым, -- сказал он. На его губах играла едва заметная улыбка.

Кир тряхнул головой.

-- Мы удержали брешь. Это стоило нам Гальбы.

«Первая заплаченная цена», -- подумал он, -- «цена, которую я сказал, нам придется заплатить».

-- Он идет к предкам, -- сказал Фобос, кивнув. -- Как и всем нам придется.

Кир не ответил, но смотрел, как два сервитора отсоединили несколько кабелей биопоказаний из гнезд в его боку. Работая, сервиторы болтали друг с другом на машинном коде. За двести лет войны он видел тысячи смертей. Рядом с ним гибли братья, и он принимал решения, которые как забирали жизни, так и спасали их. Но первая ошущитая жертва по прибытии на Кларос обеспокоила его. У него было такое ощущение, словно он бредет во сне по паутине, которая все сильнее опутывает его с каждым новым шагом.

-- Это по-прежнему беспокоит тебя?

Кир поднял глаза на Фобоса, увидев взгляд груженной заботы на лице брата.

-- Это? -- Кир вздрогнул, когда сервиторы сняли окровавленный наголенник с ноги. -- Это не затежит меня. -- Кожа под давлением была мертвенно-бледной, черные вены расползались от гноящейся раны.

-- Нет, не это. -- Сержант нахмурился. -- Ты думаешь о чем-то; с тех пор, как решил отправиться сюда.

Сервочереп поглетел поближе к раненой ноге Кира, вытянув раскаленное прижигающее лезвие. Кир кивнул, и нож вонзился в ногу. Он никак не среагировал, когда зашипела горелая плоть.

-- Раньше ты говорил, что мы ничего не сможем сделать, даже если это место атакуют. Что оно в любом случае сгорит. Фобос тяжело покачал головой.

-- Я был неправ. Я сказал, что считал нужным, но командир -- ты и ты привел нас сюда, и здесь у нас есть враг.

Кир вдруг понял, каким уставшим

выглядит друг, его лицо, закаленное войной и заключенное в белый доспех, было старше, чем он помнил.

— Ты был прав, старый друг, — Фобос тяжело вздохнул. — Ты был прав. Не позволяй моим словам лишить тебя решимости

сделать то, что ты должны.

Кир покачал головой. Возле виска гудел сервоочеред, отсоединяя кристаллическую решетку психического капюшона от черепа. Там где капюшон прикасался к коже, были волдыри и раны.

— Меня беспокоят сигналы и знаки. Мы здесь из-за них и я по-прежнему не понимаю их целиком. Это... — Он сделал паузу, подбирая слова, чтобы подытожить свою тревогу. — Это заставляет меня задуматься, не была ли это ловушка, не привел

ли я нас в западню, не должен ли был поступить иначе.

Настала очередь Фобоса качать головой, бронированные плечи превратили его

стешок в колебания гонсеха.

-- Враз пришел сюда не за нами; они пришли сюда за светом астронатов и душами на станции. Если бы нас здесь не было, они бы уже погибли. А мы здесь не из-за знаков, брат. Мы здесь, чтобы сражаться и побеждать.

Кир нахмурился.

-- А мы сможем заплатить за этот шанс на выживание?

Фобос устехнулся, его лицо в шрамах расплылось в трепетном веселье.

-- Вот для этого, брат, нас и создали.

...

Все началось с одного человека.

Гвардейцы заполнили сводчатое помещение в центре четвертого крыла станции. Они находились здесь несколько стен,

без сна, просто нервно всматриваясь в тень. Никто не объяснил, что происходит. Командование станции только сообщило, что станция атакована, и что они были главным резервом, если враг прорвется из

других секций. Никто не сказал, что это был за враг, и это только усложняло ситуацию. Несколько часов ранее прошли слухи о нападениях на другие участки, но отсутствие деталей создало почву для страхов и слухов. Слухи сходились только в одном: дело было плохо.

Нехватка

какой-нибудь точной информации только подтверждало это.

Рядовой первого класса Ратиил поднялся с корточек и пошевелил плечами под бронзовым доспехом, пытаясь снять напряжение в спине. Более десяти лет назад он был вожаком банды, заправляя на собственном куске подулья Вортис в далеком секторе Мандрагора. Он убивал, как хотел и кого хотел. Это была хорошая жизнь. Невезенье привело его к утрате этой жизни, и он стал никем в полку Имперской Гвардии, который потерял девяносто процентов состава в первой же кампании. Тем не менее, Ратиил выжил, он всегда выживал.

Он четыре часа охранял закрытую дверь, которая вела из широкой колоннады. Считалось, что она ведет в неприкрытый сектор, что бы это ни значило. Ничего не произошло и не собиралось происходить, просто очередное бесполезное

времяпровождение. Конечно же, он занервничал, когда раздался сигнал тревоги и их привели в состояние максимальной

боевой готовности. Им сказали, что на станции были костодесантники, что станция уже атакована. С каждым часом, проведенным в наблюдении за неподвижной дверью, он верил в это все меньше и меньше. Не было ни нападения, не

костодесантников. Это была просто учебная тревога, бесполезная трата времени, и чем больше думал об этом, тем

больше его это бесило.

-- Возвращайся на пост, Рамиил, -- рявкнул раздраженный голос сержанта в нескольких метрах позади него.

Ратиил проигнорировал слова; сержант был прямолинейным сукиным сыном, которого боялась большая часть отделения.

Но не Ратиил. Он знал, что сержант был никем, в нем не было настоящей боевитости. — «Пусть кричит», — подумал он, —

«пусть делает все, что ему нравится». Солдат снял шлем и бросил его рядом с лазганом. Он покрутил шеей, разминая мышцы, и вытащил из кисета палочку лху. Ратиил услышал, как сержант подходит к нему, и зажег лху.

— Подними свое оружие и возвращайся на пост, солдат, — прорычал сержант в ухо Ратиилу.

Ратиил повернулся и посмотрел в глаза сержанту. Его охватил безумный гнев. Солдат не знал, откуда он взялся, но ему нравилось это чувство. Он сделал глубокую затяжку лху и ухмыльнулся сержанту.

— Подними его или...

Күлак Ратиила врезался в живот
сержанту, и когда тот согнулся пополам,
он поднял колено. Сержант упал с влажными
звукот и растянулся на полу, вокруг его
разбитого лица растекалась кровь.
Наступила тишина; люди уставились со
своих

постов среди колоннады.

-- Ну, теперь ты внизу, сержант. Почему
бы тебе не поднять его? -- Он улыбнулся и
сделал еще затяжку лху.

Сержант вскочил быстрее, чем Ратиил
моргнул. В его руке блеснул
отполированный нож. Ратиил отпрыгнул
назад, но

острие клинка вонзилось за край доспеха.
Вдруг на пол брызнула кровь. Ратиил
ударил ногой сержанта, не обращая
внимания на боль в животе. К ним
побежали люди. Неожиданно Ратиилу
захотелось увидеть, как из сержанта
вытекает

кровь, как его голова превращается в
лишенный кожи череп. Он бросился вперед,

и сержант сделал выпад, острое ножа
прочертило по нагруднику Ратиила. Его
рука метнулась к лицу сержанта, пальцы
нашли его глаза. Сержант завопил.

Вокруг Ратиила были люди, некоторые
кричали, но ему было плевать. Он
выхватил нож из пальцев сержанта и
вонзил его

под подбородок человека. Хлынула кровь.
Он застыл. На его плечо опустилась
рука, оттаскивая его. Он развернулся и
разрезал лицо от глаза до подбородка.

В воздухе образовалась красная дымка.
Вокруг Ратиила разнеслись гневные
крики, люди неожиданно набросились друг
на

друга. Кто-то открыл огонь из тяжелого
оружия, крупные снаряды разрывали
растущую толпу. Покрытый каменными
плитами пол стал скользким от черной
жидкости. В воздухе стояла вонь
мертвечины.

Ратиил не останавливался, продолжая
резать и колоть. Его кожа и доспех

блестели багрянцем. Вокруг него нависшие тела

начали биться в конвульсиях, мертвые пальцы дергались, мышцы вздвигались. Плоть искажалась, лопалась кожа и лилась свежая, яркая кровь. Рамиил чувствовал, что убийца внутри него проголодался, как зверь. Он поднял руку, чтобы снова резать, чтобы накормить зверя.

Что-то острое пробило грудь Рамиила. Он посмотрел вниз на острое черное клинка, выступающее из его ребер. Он ухмыльнулся оскалом мертвеца, раскачиваясь на месте. Рот Рамиила начала открываться шире и шире. Со звуком

рвущихся сухожилий невероятная тварь извлекла себя из кожи человека. Существо отбросило оболочку обвисшей плоти.

Оно было скользким от крови, язык высунулся, чтобы попробовать воздух. Провалы отраженной тьмы на удлиненном черепе были глазами. Оно шагнуло вперед, черные сочлененные ноги грожали

незрелостью рождения, а плоть была
цвета

сырого мяса.

Человек, который стрелял из лазгана по
сражающимся солдатам, посмотрел на
новорожденного демона и открыл рот.

Демон прыгнул вперед, черный клинок в
его руках резанул, оставляя за собой след
дыма. Человек так и не получил шанса
закричать.

Демон оглянулся, ища больше
возможностей убить, слушая пульс живых,
который призывал к этому. Все больше его
сородичей приходило, выбираясь из тел
убитых и луж крови. Подняв оторванную
голову своей первой жертвы, демон
задрал свое лишенное кожи лицо и завыл.

«Это был неверный способ расслабиться», —
подумал Кир. Прогулка по станции,
казалось, была хорошим способом
избавиться от тревожных мыслей.
Облаченный в очищенный доспех, он прошел
по безмолвным залам и служебным

туннелям, где укрылись обитатели станции, как можно дальше от внешних секторов. Они смотрели на него, и он чувствовал

страх в их глазах. Люди наводнили служебные туннели: слуги, префекты, техноматы и их семьи. Он стоял тесными

группами, толпясь вокруг скромных пожитков и тихо переговариваясь, словно громкие звуки были непогодбающими.

В душной атмосфере ощущалось напряжение, паника едва сдерживалась. Он надеялся добиться некоторой ясности

мышления, но атмосфера, казалось, заразила его стесью страха с осторожностью. Кир попытался дать своим тысячам

расслабиться, сосредоточиться на успокаивающем присутствии людей, которые смотрели на него. Это не сработало. В

немалой степени виновата в этом была Теката.

-- Это была только первая и самая слабая атака из тех, что нам предстоит. -- Раздался резкий голос Текаты. В этот раз она

решила поделиться своими мыслями о ситуации, сопровождая его в прогулке по станции. Носок стучал по полу в такт ее шагам.

Теката не присутствовала ни при одном из двух штурмов станции. Ее отсутствие было заметно, она появлялась позже, чтобы опросить выживших и дать жесткие прогнозы. Кир скривил губы. Он почти разглядел взгляд превосходства на ее лице.

-- Мы удержали брешь, -- прорычал Кир.

-- Нет, не мы, -- выпалила она. -- Вы удержали брешь. Если бы не ты и твои братья враг бы прорвал нашу оборону.

Люди повернулись на громкие голоса, напряжение росло. Кир почти достиг пределов своего терпения. В голове

начала

расти тупая боль. Все о чем он мог думать -- это голографическое изображение слепого лица, повторяющего за пределами

слышимости одно слово, снова и снова.

Он остановился и повернулся, взглянув сверху вниз на женщину, уловив удивленный взгляд в ее глазах, он терял контроль над гневом.

-- Разве ты не притарис? Чего ты боишься? Ты не дала никакой помощи обороне, кроме своих наблюдений. Ты что-то

скрываешь?

-- Я... -- начала она, но Кир был не в настроении выслушивать то, что она могла сказать. Он поддался вперед.

-- Ты можешь говорить правду и знать многое, но ты, кажется, не понимаешь, что либо мы сражаемся вместе, либо умрем.

Враг, с которым мы столкнулись, уничтожит нас изнутри так же легко, как

и снарүжи. -- Он оглянүлся на людей,
безмолвно

толпившихся в конце коридора. -- Ты не
видишь этого? Ты много знаешь о нашем
враге, больше чем Рухат, чем я. Но ты не
видишь этого.

Он посмотрел на знаки Псайкана,
вытатүированные на черепе и вытканые
на ткани плаща. Но ее лицу блүждало
выражение, которое он не мог понять.

-- Ты чего-то боишься, госпожа? Нечто
такое, что ты знаешь об этом враге,
пугает тебя? -- Она выдержала его взгляд,
и

библиарий задал вопрос, который прежде
не приходил ему на ум: -- Для чего ты
здесь?

-- Я не могу сказать. -- В ее голосе была
низкая, почти испуганная нотка, что
удивило Кира. -- Я говорю тебе правду,
которую

вижү. Вот для чего я здесь. Это моя
помощь.

Кир пристально посмотрел на женщину, в

его уме формировалось подозрение. У
Унквизиции были слуги во многих местах
и в разных кругах. Такая ли тайная
служительница стояла сейчас перед ним?
В ней была такая величественная
уверенность, что он задумался над тем,
чем же она была на самом деле.

-- Сколько времени ты здесь находишься,
госпожа Теката? -- спросил он тихо.

-- Немногим более месяца, брат-библиарий,
-- ответила она раздраженным голосом.

-- А до этого.

-- Я не могу сказать.

Кир улыбнулся, но глаза остались
холодными. Он думал об уничтоженных
тирах и руке, которая вынесла этот
последний

приговор. Кто она такая?

Теката отвернулась и оперлась на посох,
вдруг показавшись сутулой и усталой.

-- Грядет следующая атака, -- сказала она,
не глядя на него. -- Ты должен знать, что в
атаке участвуют разные демоны.

Подобные существа только тогда

отказываются от своего соперничества, когда великие силы направляют их к одной цели.

В его голове пронесся образ астронаута, который, прерываясь, передавал просьбу о помощи, и с губ Кира сорвалось слово.

-- Судьбоплет, -- произнес он.

Геката жестко взглянула на него. На мгновение ему показалось, что увидел удивление и страх в ее голубых глазах.

-- Это имя следует произносить с осторожностью, -- сдержанно сказала Геката.

Кир собрался заговорить, но боль в голове внезапно перешла в давление внутри черепа. Кристаллы его психического

капюшона заискрились. Он моргнул и увидел, что коридор залил красный свет. Воздух наполнили сигналы тревоги. Его вокс-

связь хрипела паникующими голосами.

Кир услышал слово «вторжение» среди помех и бросился бежать. Он приказал

Фобосу быть готовым контратаковать.

Сержант и его терминаторы первыми

добраться до любой брешы.

-- Фобос, -- закричал он в вокс. Когда сержант ответил, Кир подумал, что снова и снова слышит повторяемое шепотом слово.

...

Ошеломленный. Нечасто Фобосу приходилось раздумывать над этим словом. Слои кератина и агамантия, созданные в

сердце Императора, и его искусство воина делали слово таким же неуместным для него, как и удар кремневым топором. Но слово звенело в его голове: несомненное, бесспорное.

Огненная сеть накрыла помещение перед ним, извергаемая из его штурмболтера и перекрещиваясь с очередями из

оружия братьев. Четверо; их было четверо, чтобы переломить ситуацию.

Жажда убийства завладела солдатами в четвертом крыле станции. Сотни великоновских гвардейцев превратились в будущее море ненависти и убийства. Они

кололи и резали каждого в предлах
досягаемости, выкрикивая мерзкие слова
разорванными губами. Среди людей
двигались демоны: черные железные
клинки шипели, когда они разрезали груды
тел.

Фобос и трое его братьев ворвались в
бойню, отбросив толпу потоком взрывов.
На несколько мгновений кровожадная
волна дрогнула. Затем охватила их, как
сломнувшиеся челюсти.

Плечи Фобоса почти коснулись братьев.
Его глаза перескакивали с одной цели на
другую, когда он прицеливался, оценивал
и стрелял. Его разум сосредоточился
исключительно на тактических данных,
которые говорили ему, что они не смогут
победить. Но это крыло станции почти
пало, и если это случится, смертоносная
волна затопит все их укрепления. Он дал
клятву, что будет сражаться с этими
врагом, что не позволит ему пройти.

-- Невра, схема «огненный шторм», --
невозмутимо произнес Фобос. Он вспомнил

сотни клятв, данных им на протяжении десятилетий войны. Он ни разу не нарушил ни одну из них и не собирался сделать это сейчас.

Навстречу им бежала группа гвардейцев с белыми глазами, яростно вопя. В них не осталось ни рассудка, ни понимания того, кем они стали, только жажда смерти и крови.

-- По Его воле, -- раздался твердый ответ Невры. Из пусковой установки «Циклон» на его плечах с визгом вылетели ракеты.

Ударил первая, затем вторая, затем остальные, слившиеся взрывы превратились в начиненный шрапнелью огненный

шар. На мгновение показалось, что смертоносная волна отхлынула. Фобос мрачно улыбнулся внутри шлема, когда черное

облако быстро выросло в размерах, растекаясь грязным дымом и желтыми языками по высокому потолку. Пол угрожал и

его доспех забыл, компенсируя колебания.

Они выскочили из огня волной зазубренных клинков и воющих лиц, отмеченных рваными ранами. Люди бежали вместе с демонами, их плоть обугливалась, когда они плясали в огне, издавая триумфальные вопли в горящий воздух.

-- Сомкнутый строй, -- сказал Фобос. Его братья приблизились к нему, плечо к плечу, белый бронированный ротб среди бойни.

-- Огонь по всем целям, -- закричал он, его штурмболтер уже ревел, когда волна приблизилась к ним.

...

Он был уже рядом. Ревели сигналы тревоги, пока он шел по коридору сквозь пульсирующий красный свет. Мимо проносились группы рожденных во плоти в красной и охровой униформе. Он ощущал страх в их мыслях. Дети бойни начали свою работу. Возможно, они преуспеют, но он сомневался в этом; они были далеки от тонкости, полезны только в

порождении ужаса и кровопролитии. Он много раз выдавал себя за подобных существ, поджогал их молниеносными реакциями и жажде смерти. Он понимал их целиком и полностью. Они будут убивать и наслаждаться своей бойней, но им противостояли могучие враги: сильнейшие из рожденных во плоти — костодесантники. Возможно, у этих была сила даже

для противостояния детям Собирающего Череп. Но принесет их атака успех или нет, не имело значения. В своем многогранном разуме он улыбнулся. Страх и стяжение наполнили станцию, и это сильно облегчало выполнение договоренности. Как он и рассчитывал.

Торопливо пробежал рожденный во плоти, не обратив на него внимания. Он тщательно выбрал это лицо. Личность, которую он украл у скромного чиновника, обладала не слишком высокой должностью, чтобы привлечь внимание, и не слишком низкой, чтобы каждый

заинтересовался, почему он один идет в обратную сторону. Это было его третье лицо с тех

пор, как он проник на станцию, и он надеялся, что больше не понадобятся.

Повернув к сводчатой двери, ведущей из главного коридора, он поднял шифровальный талистан к сенсорной панели.

Тяжелая противовзрывная дверь с грохотом отошла в масляные стены. Он забрал талистан у владельца лица, которое

носил. Действующая техника была тем немногим, что он не мог скопировать.

Коридор за дверью был безмолвным и

отмывался холодным светом. Он почувствовал присутствие того, что искал. Оно было близко, уже так близко. За спиной

бронированная дверь со скрежетом закрылась, а он шагнул в электрический полумрак.

...

-- Фобос? -- услышал он голос Кира.

Фобос выпустил поток снарядов в лицо твари с блестящими мышцами. Он уловил движение уголком глаза -- к его плечу метнулся удар. Он развернул меч, чтобы отразить его. Силовое поле затрещало и выбросило искры, встретившись с дымящимся черным железом.

-- Да, брат-библиарий, -- отозвался Фобос, мышцы и доспех напряглись, когда он сражался с нечеловеческой силой твари.

Она открыла рот и высунула розовый язык. Фобос приставил стволы штурмболтера чуть ниже лица твари и выстрелил.

-- Мы почти у тебя. Держись, брат, ради примарха, держись, -- сказал Кир искаженным потехами голосом.

Фобос услышал, как штурмболтер вхолостую прокрутился -- из ствола вылетел последний снаряд. За его спиной была

колонна из черного камня шириной с танк. Слева короткими очередями стрелял Невра, пусковая установка «Циклон» на его

спине был пуста, зубья цепного кулака забиты внутренностями. Справа стоял Валенс, из искромсанного шлема текла кровь; а обрубок его оторванной руки капал на пол черной жидкостью. Было невероятно, что ветеран все еще стоял, не говоря о том, что он сражался.

Белые Консулы врезались в орду демонов и обезумевшей Теликоновской Гвардии, вышивырнув обратно в империум целые дюжины, но этого было недостаточно. Орда в свогчатом зале увеличивалась, несмотря на все их усилия. Они

потеряли Грациана, визжащий клинок разрубил его доспех от шлема до живота. Враг теснил троих воинов в измазанных пролитой кровью белых доспехах, пока они не уперлись спинами в колонну. Их было слишком мало, а врагов слишком много. Четвертое крыло станции было на грани захвата.

Фобос встретил нисходящий удар в лицо, позволив ему просвистеть мимо, и нанес

хлесткий удар, разрубив фигуру от плеча до бедра. На место убитого прыгнул очередной демон. Справа от него замолчало оружие Невры.

-- Нет, брат, -- сказал фобос тихим и невозмутимым голосом. -- Враз прорвется, прежде чем ты доберешься до нас. Наши клятвы будут нарушены.

Последовала вторая пауза, затем резкий голос Кира ответил: -- Понимаю.

Слева от фобоса пошатнулся Валенс, его колено врезалось в пол, расколов трамбор, из отверстий в досках сочилась

кровь. Валенс поднял силовой кулак, чтобы встретить черный меч в фонтане искр.

-- Ты знаешь, что нужно сделать, брат, -- сказал фобос. -- Я потерпел неудачу и теперь есть только одна цена за победу. --

Последовала пауза. фобос почти мог угадать, как его брат взвешивает смысл сказанного им. -- Ради этого нас и создали, это наша судьба.

-- Раз ты этого желаешь, -- сказал Кир.

Фобос почувствовал резкий удар в правое плечо, и выкованное в варне железо расколело кератит.

— Я иду к предкам, — произнес рядом с Фобосом Валенс с влажным бульканьем в горле. Это были слова похоронной песни, произносимые за мертвых, которые не могли этого сделать. Слова напомнили Фобосу дым погребальных костров в синих небесах Сабатина.

Фобос вонзил меч в тварь перед собой. Он трачно улыбнулся.

— Я иду к предкам, — повторил Фобос, и голоса Валенса и Невры возвысились прерывистым хором.

— Как они ушли, так и мне предстоит.

Фобос бросил штурмболтер, рука метнулась вперед и схватила извилистые рога твари.

— И так будет. — Слова трех терминаторов эхом разнеслись по воксу.

Фобос рассекающим взмахом прочертил кликом по шее твари, разбрызгав в воздухе капли пылающей крови. Швырнув

отсеченную голову демона в его
соплеменников, он бросился на них.

-- Я -- мертв и пройду через врата моих
предков.

За пределами станции начали
поворачиваться макрорудие и лэнс-
излучатели «Эфона». Плазма хлынула в
реакторы и

энергетические колодцы, в их узах рычала
ярость звезд.

Фобос увидел край глаза, как Валенс
сбили с ног, из его руки текла кровь, когда
он попытался поднять ее.

Удар обрушился на шлем Фобоса, разрезав
его и поразив лицо и глаз. Ослепленный
костогесантник бросился вперед и

взмахнул мечом, как косой, чувствуя, как
клинок разрубает плоть и кости. Он
сорвал шлем с изувеченного лица. Перед
ним

стояла волна демонов.

-- Я иду к предкам! -- закричал он, и мир
вдруг наполнился ярким светом.

Лучи энергии с «Эфона» ударили в

четвертое крыло станции, в одну треть
от ее длины. Удар отсек секцию от
станции, как

конечность от тела. Остальная часть
станции загрожала, словно от боли.
Извергая расплавленные обломки и
горящий

воздух, крыло оторвалось, забирая
четверых погибших Белых Консулов к их
предкам. Мгновенье спустя снаряды
макроорудия поразили оторванную часть,
и она превратилась в короткую вспышку
света, которая растеклась на фоне
черного костоса.

...

Между ним и его целью были пятеро
костогесантников. Они носили белые
доспехи и шлемы с красными линзами. Он
ожидал, что они могут стать последним
препятствием перед исполнением его
договоренности. И был готов к их
присутствию.

Он повернул за угол с новым лицом, лицом
давно утерявшего техноагента, который

превратился в прах в темном коридоре.

Вокруг закрытой противовзрывной двери стояли пятеро, к броне которых красными печатями были прикреплены ленты пергамента. Последняя дверь.

-- Стой, -- сказал костогесантник в красном шлеме, и навел на него оружие. Круглое дуло с растущим шумом выпускало

мерцающий газ. Остальные пятеро костогесантников подняли свое оружие.

-- Я пришел исполнить свой долг, почтенные воины. -- Голос лица был печальным нитьем, отфильтрованным механическим

горлом. -- Вудите, у меня служебное предписание, а сейчас назначенное время. --

Нацеленное на него оружие молчало, но не опустилось. Эти -- не слабовольные существа, наполненные сомнениями и страхом. Он был уже в нескольких шагах.

Он чувствовал, как в их головах формируется решение открыть огонь. Ветранио -- это имя главного. Он сделал

изаг вперед

и изменил облик.

Его новый облик был быстрее, намного быстрее. Он одним прыжком оказался на Ветранио, костяные когти размером с косу

пробили окуляры. Он снова изменился, его фигура стала этим мертвым костогесантником. Он вырвал оружие из мертвых

пальцев Ветранио, когда тот упал. Он повернулся, выпустив поток энергии в головы двух костогесантников. Осталось двое. Они тут же открыли огонь. Он почувтил нечто, что распознал, как боль.

Он бросил оружие и изменил свое тело в бурлящую массу плоти и полусформировавшихся лиц. Из глаз и вгось

конечностей полыхнуло синее пламя. Разрывные снаряды поразили его, и он почувствовал, как от фальшивой плоти отрываются куски. Он прыгнул на двоих костогесантников, оставляя за собой

сверкающие капли. Они пытались
сражаться, но его прикосновение изжарило
их внутри госпехов.

Когда обугленные госпехи перестали
дергаться, он наклонился и подобрал
брошенное оружие. С лицом Ветранио он
повернулся к закрытому входу.
Многослойные двери сразу открылись, и он
увидел свою награду.

...

Кир смотрел, как огонь гаснет и
вытекает в космос. Командный центр
станции представлял круглое помещение в
горловине

под центральным астронавтическим
залом. Свет от экранов на каменных
платформах разгонял полутрак. Персонал
на

каждой платформе мрачно уставился на
свои приборы, пытаясь не смотреть на
обзорный экран вверху, который

показывал, как остывают обломки
оторванной части станции. Кир ощущал
похоронную тишину вокруг себя, оцепенелое

неверие в то, что произошло, что он приказал сделать. Рядом с ним стоял вытянувшись Рихард, его худое лицо было серым.

Кир прибыл сюда, как только отдал приказ «Эфону» отрезать захваченное крыло от станции. Остальные Белые Консулы

были на позиции, готовые отреагировать на возможную атаку. Тем не менее, он хотел увидеть это собственными глазами.

На экране взрывы затухали красной рябью в тошнотворном тумане цвета и материи, который висел над станцией. Глядя на

постепенно исчезающее изображение, он чувствовал пустоту и нереальность, словно смотрел в зеркало и видел не себя.

«Это был единственный выход», — подумал он. Если бы он не приказал «Эфону» уничтожить то, что уже было потеряно, то

вскоре рухнула бы остальная оборона. Это

было необходимо, тот выбор, который
разгневал его, когда он увидел его
результат в пенельных пустошах
Катариса. В этот раз он был палачом, его
выбор обрек братьев и сотни других людей
на
смерть.

-- Хватит, -- сказал он мягко. --
Отключить изображение. -- Рихат сделал
жест, и обзорный экран переключился на
поток

зеленых показаний систем станции.

-- У вас есть еще приказы, лорд? -- спросил
Рихат, посмотрев на него с холодной
формальностью.

-- Нет, полковник. Не сейчас. -- Он кивнул,
Рихат отдал честь и вышел.
Раздраженная сухость прикрывала гнев и
неверие.

Кир не мог осуждать его за это.

Почти невольно Кир вынул рифленый диск
голопроектора из кармана. На нем было
сообщение, которое привело его сюда,
которое никто не отправлял. Диск секунду

лежал на ладони, затем конус зеленого света выпрыгнул из его поверхности.

Призрачно-зеленая фигура астронавта снова закружилась перед его глазами.

«... доклад... Кларос... враг за пределами...»

Этот прерывистый поток слов привел его сюда, из-за него он здесь. Он смотрел и слушал эти слова так часто, что слышал, как они повторяются в его памяти так же, как и на записи.

«...лжет... Судьбоплет, мы... ослеплены... выходит из строя...»

Что-то беспокоило его в сигнале с тех пор, как он впервые посмотрел его. Каким-то образом он ощущался знакомым, словно он слышал его давным-давно.

«...гуша...кто слышит это...»

Стоило ли ему отвечать на этот вызов? Был ли это обман?

«...пришлите...помощь...»

Но он был таким знакомым.

-- Колофон...

Его зрение мгновенно сфокусировалось,

чувства резко обострились. Изображение продолжало вращаться и говорить по знакомому замкнутому кругу.

«...проклятая вечность». Изображение тизнуло и снова начало свое движение по кругу. Кир приставлял его, напрягая слух ради слова, которое он был уверен, что услышал. Оно не повторилось. Библиарий прокрутил сообщение, но оно было

таким же как всегда, рваной вереницей слов с искаженными участками. Может его разум заполнил пробел случайной мыслью? Он отключил изображение, оглянувшись в командной комнате и ничего не видя. Если он услышал еще одну часть

сигнала, которой не было прежде, что бы это значило?

Колофон. Он не видел старшего астронаута несколько часов. Старик следил за выздоровлением оставшихся под его

началом астронатов. Случайное слово,

которое он услышал в никем не
отправленном сигнале; могло ли это
значить, что

Колофон отправил сообщение? Что это
была просьба из момента во времени,
который еще не наступила?

С окаменевшим лицом Кир вышел из
командной комнаты. Новый вопрос начал
извиваться вокруг мыслей, как ядовитая
змея: «Что еще могло значить слово
Колофон в сигнале из будущего?»

...

Он стоял и смотрел на столб, наблюдая,
как потрескивает энергия по его черной
поверхности и шевелит полосы

пергамента. Устройство было
отверзительным; даже на таком
расстоянии под его воздействием кожа
украденной плоти

сползала. Пространство вокруг столба
наполняли вихри энергии, которые
вытягивали сущность существа. Столб
создавал завесу далеко от этой комнаты,
ограждая это место и удерживая его

родичей от добычи, которую они искали, добычи, на которую они охотились долгое время на многих мирах. Он видел такие же покровы раньше, окружавшие корабли рожденных во плоти, когда те плыли через варп. Подобно быстринам, влеченным в занавес из стекловолокна, который оберегал корабль. Так было, пока эти завесы не подводили. Как только покров вокруг этого места исчезнет, остальные его сородичи смогут добраться до своей добычи. Рожденных во плоти здесь ждет большая резня.

На секунду он задумался, стоит ли выполнять договоренность. Он многое приобретет, это верно. Он может потребовать

бессчетное количество возможностей и услуг, а сделки с более сильным родичем было сложно разорвать. Но он был

существом лжи, а наслаждение от непредвиденной перемены было восхитительным. Если он оставит устройство в

целости, его родня в конце концов

рассеется в отравляющей природе мира
плоти. Это место выстоит. Человечки
выдержат. Слепая добыча, скрывающаяся
среди них, выживет и снова станет
сильной. А что потом? Какие тогда здесь
будут возможности, какие бесконечные
изменения и непревзойденные перемены в
судьбе?

Медленно он поднял оружие, взятое у
воина, чье лицо носил, раскаленные
канавки в задней части оружия засияли
ярче, словно почувствовав его намерение.

«Но», — подумал он, — «сделка есть сделка».
Вой оружия вырос до визга едва
сдерживаемой энергии. Он ухмыльнулся
похищенным лицом и нажал спусковой
крючок.

Сгусток энергии поразил столб и
расплавил механизмы до самого ядра.

На секунду столб задрожал, энергия,
которую он проецировал вокруг станции,
лопнула, ее оковы рассыпались. Столб
растрескался со звуком разрубаемого
железа. Шаровые молнии возникали и

рассыпались вокруг поверхности столба.

Пергаменты обуглились до черных обрывков, которые падали среди потока искр. Затем столб взорвался в волне яркого света.

К тому времени, когда генератор поля Теллера взорвался, существо, которое кое-кто называл Перевертышем, давно исчезло, сбросив без раздумий последнее лицо.

Несколько минут никто на станции Кларос не понимал, что произошло. В защищенных коридорах люди продолжали переговариваться, передавая тревоги друг другу, потешивая еду на газовых горелках и смеясь над трючными шутками.

Позади баррикад геликоновские гвардейцы следили и ждали, как многие часы до этого. Мышцы сводило от неподвижности, они размышляли над тем, когда смогут наступать. Белые Консулы невозмутимо стояли в разных коридорах, ожидая следующей атаки, которая вырвет их из

бездействия. В темной комнате неподвижно сидел Колофон, его безмолвно окружали оставшиеся астронавты.

В полутраке командной комнаты полковник Рихат отвернулся от угдаляющегося библиария. На мгновение он подумал, что

увидел проблеск эмоции в глазах Кира, терцание под поверхностью холодной темной воды. Он слышал истории об

Агентус Астартес, что они последний щит человечества, созданные Императором на заре Империи. Полковник увидел

истину рассказов, что эти слова никогда не могли соответствовать истине. Он осознал, что не понимал их и никогда не смог

бы понять.

Крик заставил его резко повернуться, мысли исчезли от ужаса в голосе: — Поле Теллера!

Офицер уставился широко раскрытыми глазами на Рихата. Багровые руки

начали мелькать по экранам пульт
управления, ярко-красный свет залил
комнаты, распечатки показаний
посыпались из пальцев инфосервиторов.

-- Оно исчезло!

Первой мыслью Рихата было спросить
почему, но ледяная реальность подсказала
ему, что вопрос бессмыслен. Правда
трубила ему из каждого угла комнаты. Их
самая сильная защита рухнула, и скоро
придет враг.

-- Возьми оружие, -- крикнул он и вытащил
пистолет. Мгновенье спустя заголосили
сигналы тревоги.

Барн проник в помещение генераторов
через несколько секунд после отключения
поля. Комнату наполняли черные
цилиндры высотой с многоэтажные дома.
Каждый был маломощным плазменным
генератором, который снабжал энергией
центральный узел станции. Машины
работали тысячелетия, их сердца бились
постоянным пульсом, храня в себе энергию
солнц. По помещению ходили сервиторы и

инженеры, бормоча машинный код и брызгая благословенное масло на свои любимые машины. Первым признаком неполадок была скороговорка разгневанного кода от сервитора-контролера.

Технопровидцы бросились посмотреть, что встревожило духи их машин. Прежде чем они смогли сделать шаг, воздух наполнил звук сирен предупреждения. На пультах управления вспыхнули руны сбоя системы. Пергамент с данными посыпался на пол. Технопровидцы побежали к своим системам управления.

Раздался визг разрезаемого металла. Трубы прорвало, и в комнату полился пар. Находящиеся близко к генераторам технопровидцы и сервиторы исчезли в волне охлаждающей жидкости. Освещение по всей станции замигало и потускнело.

Генератор взорвался, пылающее топливо прорвало его многослойный металлический корпус. Расплавленный металл потек подобно воску на пол помещения. По воздуху разлетелись обломки с рваными

краями. Останки разбитых машин
начали вибрировать и изгибаться.
Извивались кабели и провода, скручиваясь в
искореженные пластины. Поршни
соединились в гигантские конечности.
Вран-пламя перетекало от узла к узлу,
словно что-то сознательное и живое
вытягивало себя из деформирующихся
руин. У него было тело скорпиона из
деталей машин и корпус из дымящейся
плоти
цвета остывающего железа. Из плеч
выросла глинная голова, увенчанная
похожими на копыта рогами. Существо
встало на
дыбы, подняв движимые поршнями руки, и
заревел в триумфе своего рождения.
Взорвался второй генератор, существо
внутри него, кружась, обретало форму
среди руин машинной утробы. Первый
рожденный не стал ждать своего родича,
но шагнул к закрытой противовзрывной
двери помещения, сжимая в
предвкушении когти. Дверь была выкована

из пластали и многослойного адамантия, более двух метров толщиной и восемь высотой. Тварь остановилась на секунду, а затем начала выбивать бронированную дверь, ее глаза светились за маской опаленной бронзы.

...

Кир бежал по центральному коридору. За ним следовали опустошители Валериана с остатками авангардного отделения

Гальбы. Все мысли о сигнале и Колофоне вылетели из головы. Поле Теллера отключилось, и существа варна проникали в

реальность по всей станции. По обрывкам захваченных паникой вокс-переговоров вырисовывалась картина десятков отчаянных боев.

-- Рихат, -- сказал он, шум в воксе уменьшился, когда он связался с полковым командиром. -- Это Кир. Я вижу данные по серьезным внутренним повреждениям в группе второстепенных плазменных генераторов.

-- Да, эпистолярый. Подтверждаю: мы
видим то же самое. Значительная потеря
энергии и многочисленные повреждения
переборок, которые идут по главному
переходу.

-- Мы идем к противовзрывной двери на
пересечении нижних технических уровней.
Что бы ни двигалось по этому туннелю,
мы встретим его там. Прикажи всем
частям поблизости выдвигаться к этой
точке.

-- Так точно. Я присоединюсь к вам.

Коридор, по которому они двигались,
повернул к пересечению, следуя по кругу
центрального узла. Впереди Кир увидел
крестообразный перекресток четырех
коридоров, каждый из которых был намного
выше космодесантника. Сводчатая дверь
закрывала только один коридор.
Поверхность двери покрывал медный
рельеф с изображениями огромных машин.

В

центре располагался окруженный
шестеренкой череп Агентус Механикус. За

противовзрывной дверью широкий переход
по

спирали вел в центр станции, где
техносвященники в красных мантиях
поддерживали сердцебиение механического
сердца

станции. В этом сердце после
отключения поля Геллера что-то
произошло.

Перед закрытой дверью находился
широкий полукруглый огневой мешок. В
проходе других дверей Теликоновская
Гвардия

привела в боевое положение автоматы,
подняв барабанные магазины с крупными
снарядами к ожидающим казенникам.

Офицеры с черными наплечниками
призывали гвардейцев сформировать
огневой рубеж.

Кир добрался до пересечения, когда первый
удар изнутри потряс дверь. Он звучал, как
гонг. Все остальные звуки затихли.

Мужчины и женщины оторвались от
своего оружия, глаза уставились на дверь,

прислушиваясь к затихающему звуку удара.

Кир повернулся к двери. Рядом развернулись четверо братьев авангардного отделения Гальбы, моторы их ценных мечей

зарычали. Валериан поспешно отвел свое отделение к гвардейцам, навесив громоздное оружие на дверь.

-- Эпистолярый, я почти на вашей позиции, -- по voxу затрещал запыхавшийся голос Рихата. Кир догадался, что люди бежали.

Второй удар потряс дверь. С медных изображений посыпалась пыль. Дверь раскалилась докрасна, перед ней терцало тарево.

Когда Кир открыл рот, чтобы ответить Рихату, последовал третий удар. Дверь раскололась. Огромная фигура протиснулась

через расплавленную брешь. На Кира давили глаза, пылающие печным жаром на бычьей теле, сплавленном с

зачубренными паучьими ногами. Он ощутил головокружение, присутствие и мощь зверя стучали в его разуме, как кузнечный молот.

Зверь заревел, выдыхая жгучий поток пара. Полосы трассеров устремились к нему, впившись в кожу, оставляя следы на его металлическом покрове. Кир слышал, как кричат гвардейцы, ведя огонь, ужаснулся с дерзостью в потоке ругательств.

Существо минуту стояло, пока снаряды и энергетические заряды высекали искры из его шкуры. Затем оно прыгнуло к Кире и первой линии гвардейцев. Оно было быстрым, как насекомое, его когти царапали палубу, руки-поршни поднялись над рогатой головой.

Кир отпрыгнул в сторону. Он ударился о пол, палубный настил прогнулся под его весом. Гвардейцы в первом ряду были не такими быстрыми. Тварь налетела на линию тел, ее передние конечности-

клинки пробивали мясо и кости, железные кулаки

опускались, стиналая и кромсая.

Кир вскочил на ноги, чтобы увидеть, как второй зверь выбрался из обломков двери.

Тот посмотрел на происходящее

черными глазами, круглый рот с полупрозрачными зубами пульсировал, словно от голода. Тело было пятнисто-красным,

мышцы рук слились с зазубренными кусками металла высотой с человека. Он издал рокошущий вопль и последовал за собратом в растущий круг побоища.

Ряды геликонцев рассыпались, кто-то держался, кто-то бежал, чтобы умереть в сдирающем кожу дыхании зверя. Кир

оценил обстановку одним взглядом и обнажил психосиловой меч, синее платялило его лезвие. Этот бой шел не по

плану, это была кровавая схватка с ужасом. Их шансы изменить ход битвы были подобны воде, стекающей между пальцев.

Два железных зверя наступали бок о бок, извергая варн-пламя в тех, кого не разорвали. Не было признаков ни Рихата, ни

его подкреплений.

- Мы должны разделить их, - сказал повоксу Кир, бросившись к ближайшей твари.

-- Валериан, я отвлеку одного на тебя.

Стреляй, как только разъединим их. Братья Гальбы, атакуйте ноги.

-- Как прикажешь, брат, -- прорычал подтверждение Валериан.

Кир почувствовал, как четверо оставшихся воина авангардного отделения Гальбы следуют за ним. Спина одного из зверей

была в двадцати шагах. Он видел бледный хрящ его хребта, выступающий из гладкой мускулатуры спины. Библиарий

втянул энергию в свой разум и позволил ей обратить ненависть из своей души. Он остановился в десяти шагах от зверя.

Воины авангардного отделения пробежали мимо него, в воксе раздавался треск их

погребальных песен.

Он высвободил часть энергии своего разума, отправив ее перед собой эфирным криком вызова. Тварь остановилась и повернулась к нему, с зазубренных лезвий стекала кровь. Кир посмотрел в черные глаза, в которых отражался вспышки стрельбы, и поднял лагонь. Тварь атаковала.

«Это не то, что я вигел», — подумал Кир, мысль шептала в урагане силы его разума. — «Это не закончится сейчас».

В пяти шагах зверь встал на дыбы, его задние ноги несли его вперед, а руки и передние конечности поднялись, готовые обрушить клинки на Кира. Библиарий выпустил силу. Энергия вырвалась из его лагони и потекла по плоти и железной шкуре твари. Она покачнулась, передние лапы опустились и заскребли по полу. Кир чувствовал, как его разум вгрызается в механизмы тела твари, ненависть и злость извивались по ее узлам, сплавляя сочленения и останавливая механизмы.

Демон зашатался. Кир ощутил, как сила зверя скапливается, чтобы нанести ответный удар. Он не сможет сдержать ее.

Четверо воинов авангардного отделения атаковали ноги зверя, размахивая ценными мечами. Моторы вознали зубья в поршни и полупрозрачные сухожилия. Две ноги подогнулись. Одна из них с воел поднялась и опустилась, разрубила метровой глины лезвием шлем костогесантника и вошла глубоко в тело, пригвоздив его к полу в потоках крови.

Тварь завывала в разуме Кира, сбрасывая его психические кандалы. Тело демона наклонилось вперед, его челюсти соткнулись на голове костогесантника из отделения Гальбы со звуком треснувшей брони. Он оторвал Белого Консула от пола, пережевал доспех и плоть, а потом выплюнул с потоком пламени.

«Еще двое отправились к предкам», — подумал Кир. — «Еще двое ушли за несколько секунд».

-- Валериан! Давай! -- закричал он. Онутошители открыли огонь раньше, чем он выкрикнул приказ.

Отделение Валериана было вооружено тяжелыми болтерами, которые выплевывали разрывные снаряды из стволов раскатистым громоподобным хохотом. Зверь выгнул спину, когда разрывы покрыли волдырями его хребет, вырывая

влажные куски из плоти. Откуда-то из хаоса, наполнившего пересечение коридоров, открыл огонь геликоновский стрелок, чья воля пересилила страх. Его поддерживали другие, шипящие линии снарядов и импульсы лазерных лучей сошлись на

твари. Бронированные пластины прогнулись и рассыпались под ураганом попаданий. Из плоти зверя вытекал желтый ихор.

Он попытался повернуться, конечности колотили, словно пытаясь отогнать рой насекомых. Ноги демона подкосились, и он завизжал, разбрызгивая огонь. Кир был

достаточно близко, чтобы видеть черные
глаза твари, когда ее обмякшее тело
дергалось среди обломков металлической
шкур. Она издала последний яростный рев
и развалилась на металлические
останки и сочащуюся плоть.

Посреди линии геликонцев оставшаяся
тварь почувствовала смерть сородича.
Она повернулась, ее взгляд метнулся по
месту боя, ища причину гибели своего
близнеца. Ее обжигающие глаза
остановились на семерых
костогесантниках

отделения Валериана. Демон бросился
вперед, давя людей в блестящие куски
плоти.

Кир уже двигался, пробиваясь через толпу
почти паникующих гвардейцев. Он
чувствовал, как гнев твари вытягивает
энергию из варна, когда та прокладывала
кровавую дорогу к опустошителям. Она
разрывала реальность на своем пути.

Полусформировавшиеся демоны
объединялись у его ног, подобно мелким

рыбешкам, которых притягивало кровавое
убийство акулы. Они были похожи на
личинки, выползающими из разорванных
тел, вращая глазами в гноящейся плоти.

Еще больше геликонцев обратилось в
бегство.

Валериан удерживал позицию вместе со
своими братьями. Он был без шлема и
держал болтер опущенным,

контролируемая ярость кривила его губы.
В отличие от многих своих братьев за
столетие войны он не получил шрамов, его
скульптурные черты сабагинского
благородства были нетронутыми. Он
поднял болтер, его ствол законтел от
стрельбы, из

губа все еще вилась дым. Тварь подняла
руку. Из плоти выступили трубки,
образовав неправильный кулак, соединенный
мышцами. Зверь выпустил поток
расплавленных снарядов в опустошителей.
Один из снарядов попал в шлем Белого

Консула и сбил его с ног в облаке крови и
расплавленного керамика. Остальные

костодесантники не дрогнули. Валериан ждал, пока звук захвата цели не станет непрерывным, а дистанция -- оптимальной. Тварь сделала еще один шаг.

-- Огонь, -- приказал Валериан, и рядом с ним грохот стрельбы тяжелых болтеров встретился к твари. Она затеделилась на миг, затем скрестила руки поверх головы и тела, толстые плиты и клинки перекрылись, образуя щит. Существо шагнуло в ураган.

Кир оттолкнул в сторону гвардейца. Пространство вокруг зверя кишело демонами. Существа образовали клубящуюся

массу щупалец и гнилой плоти, которая захватывала гвардейцев в кислотные объятия. Стрельба оставшихся гвардейцев почти прекратилась: многие бежали, еще больше были мертвы.

Кир поднял меч. Ценой за используемую им силу была тупая боль в разуме. Демоническая тварь, образованная из

нарывов

и желтых опухолей обратила на него узкий глаз. Библиарий сделал шаг вперед.

Вот он? Этот момент он видел?

Вдруг по демонам хлестнуло пламя. Густой, маслянистый огонь растекся по гниющей плоти, выплавляя жир из гнилых костей.

Лазерные лучи дисциплинированными залпами ударили по растворяющимся формам.

— Лорд Кир, — в воксе затрещал голос Рихата. Кир оглянулся и увидел идущего полкового командира в окружении солдат в бронзовых доспехах и шлемах с черными визорами. Лицо Рихата было перепачкано кровью и копотью. Правая рука

безвольно висела, рукав протек и потемнел. Но глаза глядели непокорно, а перед ними огнемечники выжигали дорогу через толпу демонов. Твари с чрезмерным количеством конечностей и глаз пытались ползти вперед, даже когда распадались в пенел и дым.

Кир понял, что прерывистый рев тяжелых

болтеров стих. Он повернулся, посмотрев
туда, где находилось отделение

Валериана. Перед глазами полыхало
пламя, растекаясь по полу перекрестка.
Позади огня зверь поднял в железном когте
останки из плоти и белой брони. Кир
побежал сквозь пламя, печати чистоты
вспыхнули, доспех почернел. Зрение в
шлеме

затемнилось, компенсируя блеск огня,
предметы и перемещения превратились в
последовательность разноцветных рун
поверх меняющихся теней. Движения
демона отображались удлиненным пятном
с наложением зеленой сетки.

Трое оставшихся опустошителей
отступили, стреляя по наступающему
зверю. Кир выскочил из пламени, мир снова
стал

ярким. Он увидел, как Валериан повернул
ручку запала мelta-заряда, и нырнул под
рубящий клинок. Он добрался до

бронированной грудины зверя. Тот
наклонился, поршни-тиски сожнулись, и

тварь оторвала сержанта от пола. Она
поднесла утирающего костюмодесантника к
горящим глазам. Рука Валериана их
последних сил ударила по демонатору.

Ослепительная сфера поглотила
сержанта и руку твари с резким звуком
перегретого воздуха. Демон отшатнулся,
воздух

расколол скрежещущий вопль.

Кир сделал последние шаги, мышцы и
доспех напряглись, разум вытягивал силу в
бешеный натиск. Он понял, что кричит; с
его губ срывались имена павших братьев,
мертвых миротворцев и проигранных войн. Тварь
почувствовала его, повернулась,

клинки понеслись вниз. Кир нанес удар.

Удар погрузил клинок по самую рукоятку в
черную плоть. Из раны хлынула
чернильная жидкость. Она воняла
прометием и

гнилью. Рожденный в душе Кира гнев
хлынул в клинок. Все, что он чувствовал —
это текущую в нем волну, гнев его души,
которому дал форму варн. Он

почувствовал...

... кровь течет из его доспеха, когда он проходит через знакомую дверь...

Смеется существо с головой стервятника. Звук похож на предсмертные крики воронов...

В конусе зеленого света поворачивается астронавт. Астронавт смеется. У него два лица...

Он исчезает...

Кир очнулся среди затихающих криков и гаснущего огня. Он лежал среди останков своего врага, искореженные механизмы покрыты кусками маслянистой плоти, которые медленно разлагались с тошнотворным блеском. Его рука по-прежнему

сжимала меч, его лезвие мерцает затухающим эхом силы.

Поднявшись на ноги, он почувствовал лихорадочную боль от психической силы, которую выпустил. Каждое движение приносило вспышку ноющей боли. Он огляделся, его зрение наполнили значки

оценки угрозы. Пол был устлан мертвыми,
а

очаги платени окрашивали место
пятнистым оранжевым светом. Значков
угрозы не было. Они победили.

Кир смотрел на приближающегося
Рихата. Полковник слегка прихрамывал,
он прижимал левую окровавленную руку к
боку.

-- Победа, полковник, -- сказал Кир с
трачной улыбкой.

Рихат не улыбнулся; он был бледен, боль
сдерживалась одной лишь волей.

-- Враг прорвался во многих местах. Я
даже не уверен, что хоть какие-то
позиции держаться. -- Он сторщился от
боли. -- Не

думаю, что они проникли в зоны с
гражданскими. Пока еще.

Кир услышал обреченность в голосе
полковника.

-- Мы стоим полковник. Не важно какой
ценой. -- По лицу Рихата протелькнул
удивленный взгляд, словно он разобрался

в сокрытой истине. Он открыл рот, чтобы ответить. У его перебили.

В их разумах заговорил голос.

-- Властью и милостью Бога-Императора Человечества, и на основании полномочий Его Священной Инквизиции, этому месту и всем душам в его пределах объявляется приговор.

Это был единственный психический голос, созданный множеством теленатических разумов, которые передавали одно и то же сообщение. Он отразился по варпу с такой силой, что наполнил разумы всех людей на станции Кларос. Это было объявление приговора, извещение о натеении.

-- Все объявлены заблудшими и потому падают молот. Объявляется Экстерминатус. Да стиснется Император над всеми верными душами.

Голоса стихли. Рихат посмотрел на Кира, на его лице отражались страх и стянение. Кир покачнулся, когда его

угарила

волна психической энергии. Она исходила от флота, вырвавшегося с сокрушительной силой из варпа в реальность.

Вокруг них потрясенная тишина превратилась в безумную панику.

Нет. Кир не позволит, чтобы все погибло по приговору Инквизиции. Не снова, не после той цены, что они уже заплатили. Он

повернулся к Рихату, жестом позвав к себе последних двух воинов отделения Валериана.

-- Это Инквизиция. Их кораблям понадобится некоторое время, чтобы выйти на дистанцию огня. Заберите как можно

больше людей на «Эфон». Мы отстыкуемся и сбежим от Экстерминатуса. -- Он свирепо оскалился. -- Он могут постараться

и остановить нас, но у нас все еще есть зубы.

Рихат нахмурился.

-- Полковник? -- обратился Кир.

Рихат посмотрел на него.

-- Инквизиция знала, что на нас напали. Но как? Вы и Колофон сказали, что сообщения нельзя отправить.

Внезапно Кир стало холодно. Он подумал о своих видениях, об усиливающейся ощущении будущего, об изображении астронаута, которое вращалось в зеленом свете. Астронаута с двумя лицами.

-- Где Колофон? -- прорычал он.

-- Я не знаю, лорд, -- пожал плечами Рихат.

Кир кивнул, глаза смотрели в никуда, разум бешено работал. Колофон: он считал, что услышал это слово в сообщении. У

него было такое ощущение, словно все нити выборов и полувидимых вариантов будущего сплелись воедино, в одну единственную прядь. Он повернулся к Рихату и двум оставшимся братьям-костогесантикам.

-- Станция потеряна. Эвакуируй всех, кого

стожешь, если я не вернусь ты --
командующий.

Рухат повернулся и начал выкрикивать
приказы, а Кир зашагал прочь. Он знал, где
найдет то, что ему нужно, куда вела его
судьба.

-- Куда вы идете, лорд? -- обратился
Рухат.

-- За ответами, -- прорычал самому себе
Кир.

...

Кораблей было девять. Пять эстинцев
скользили на ярких огненных конусах
впереди более крупных побратимов. За
ними

два ударных крейсера Agentus Астартес,
их зазубренные корпуса были окрашены в
темно-синие цвета Звездных Драконов.

Рядом с ними скользил сквозь космос
похожий на блестящее копье крейсер типа
«Неустрашимый». А в центре находился
огромный корабль из черного металла, его
корпус покрывали башни, а на носу
раскинулись золотые орлиные крылья. При

закладке его называли в честь героя
далекого прошлого; заново освещенный на
службе Инквизиции он носил имя более
подходящее для его задач. «Шестой
Молот» был палачом, убийцей миров.
Возможно, он, однажды вернется во флот,
из

которого его забрали, но в этот момент
корабль служил воле человека, который
наблюдал с его мостика за приближением
станции Кларос.

Лорд-инквизитор Ксеркс увеличил
изображение станции на огромном
голоэкране, висящем перед его тронот.
Изображение

было лишено тактических данных и
информационных значков. Они не нуждались
в них, как и не доверял искусственным
средствам для принятия решения. Для
этого была нужна пронзительность,
простейшие средства и чувства,
доступные

человечеству. Варп-разрыв предстал на
экране как рана, которая сочилась

бурлящими цветами и щупальцами
скрученной
энергии. Станцию или то, что от нее
осталось, окутал извивающийся
призрачный свет. У нее не было надежды,
ее никогда
не было.

Ксеркс повернул железное лицо с
прорезями для глаз к двум фигурам слева
от него. Один носил поверх мозучего тела
сегментированный доспех, покрытый ярко-
красным лаком, его лицо скрывал черный
капюшон. У другого было глиняное
худое тело из щелкающих медных
суставов и высохшей плоти, соединенных
большим количеством трубок. Худой не
носил

маски, потому что у него не было
настоящего лица. Оба были
инквизиторами, единственными кто
выжил из группы,

которую собрал Ксеркс. Они потеряли двух
собратьев, одного на «Проклятой
Вечности», другого из-за

неосмотрительности, но их решимость ни разу не пошатнулась. Они охотилось среди звезд на существо, именуемое Судьбоплетом, кара

захваченные демоном планеты, разыскивая способ вернуть его навечно в Варн. Там, где находили демона, они сжигали

землю под его ногами. Они были левой рукой Императора, и это был их долг, также как и право.

-- Приговор огласили? -- спросил Ксеркс, его спокойный голос раздался из горизонтальной щели на маске.

-- Да, -- ответил механическим голосом худой инквизитор. -- Астронавтический хор передал его. Если на станции еще есть живые, они будут знать, что приговор приведен в исполнение.

Ксеркс кивнул.

-- Когда мы выйдем на дистанцию ведения огня, остальной флот должен начать атаку. Варну ничего не должно быть оставлено. -- Он оглянулся на бронзовый корпус станции, сжатый в хватке Варна. --

Ничего, кроме непла и безмолвия.

...

- Астронавт.

Слово разнеслось в пустой тишине астронавтической комнаты. Сгорбившаяся фигура в зеленой одежде повернула слепое лицо на затихающий звук, когда тот отразился от пустых каменных рядов.

-- Кир? Это вы, не так ли, мой друг? --
Голос Колофона добавил свое эхо к пустой темноте. Астронавтическая комната находилась в центре станции, как можно дальше от наступающих демонических сил. Она была пустой, тихой и темной.

Какая потребность была у слепого в свете?

Кир шагнул из затемненного арочного входа, гонимый при каждом движении. Штурмовой болтер в правой руке был нацелен спаренными стволами на сгорбившегося старика. Синяя поверхность гонимых эпистолярных была опалена и

испачкана полосами высыхающих жидкостей. Он выглядел словно призрак,

вытащенный из погребального костра.

-- Это Кир. -- Голос библиария тихо рычал. Колофон дернулся в его сторону, его руки вцепились в верхушку трости.

Залитый монокротным тоном дисплея шлема он выглядел испуганным. Нет, он выглядел устрашенным.

-- Приближается Инквизиция, -- запинаясь, произнес Колофон. -- Они уничтожат это место и всех нас вместе с ним. Мы должны...

-- Почему ты обманул меня? -- Кир удерживал дистанцию от старика, медленно кружа вокруг фигуры в зеленой мантии.

Единственная рана наведения на дисплей шлема была колеблющегося янтарного цвета, пульсируя поверх старика.

- Я не обманывал вас, - Колофон остановился, говоря скорее в воздух, чем следя за перемещением Кира. Библиарий не

останавливался, без раздумий отвергнув ответ Колофона.

-- Сигнал, он ставил меня в тупик с момента, как мы прибыли сюда. Как он мог быть отправлен, если мы отрезаны с момента начала атаки? Я не такой эксперт по астронавической передаче, как ты, но я коснулся варна и почувствовал, что

мы изолированы, как ты и говорил.

Колофон закутался в зеленую мантию, словно от холодного ветра.

-- Я не понимаю, что вы говорите. -- Он покачал головой и сделал несколько шагов к двери комнаты. -- Нам нужно идти. Мы можем спастись на вашем корабле, мы...

-- Но сигнал был отправлен. Он привел меня сюда, и, несомненно, привел Циквизию. -- Кир невесело застегнулся. --

Временное искажение; ты мне дал мне эту подсказку, а я не подумал об альтернативе. -- Старик открыл рот, словно

собираясь ответить, но Кир продолжал говорить, подозрение и гнев превратили его голос в низкий рык сдерживаемой

угрозы. -- Ты отправил сигнал, Колофон. Ты привел меня сюда, и ты навлек кару Инквизиции на это место.

Колофон покачал головой, на его лице отразились шок и гнев.

-- Вы безумны, мой друг, -- пролепетал Колофон. -- Вы не...

-- Но как ты закрыл варп болью, которую даже я почувствовал? И зачем тебе завлекать людей сюда только для того, чтобы

уничтожить? -- Кир вытянул меч. -- Есть одно существо, которое могло сделать такое, могло наблюдать изнутри, в то время

как его родня пришла из-за...

Колофон отшатнулся, когда меч вспыхнул холодным светом.

-- Я...

-- Существо, которое может казаться из плоти и крови. -- Кир почувствовал вес меча в руке, его холодная мощь отражала ярость библиария. -- Скажи мне, астронавт, если я разрублю тебя, как ты

будешь истекать кровью?

- Я...

- Судьбоплет. -- Кир произнес имя и Колофон вздрогнул, словно от удара. Внутри шлема Кира рана угрозы стала красной.

Он сделал шаг вперед, его голос угрожающе зарокотал: -- Это имя тебе знакомо?

- Я только астронавт, - захныкал Колофон.

Кир подумал обо всех мирах, затянутых в болото варна, о запахе погребального костра мертвого Катариса. Он чувствовал

себя глупцом, которым манипулировали.

Его видения и идеалы обратили против него. Он не знал, почему демон играл в

такую игру и не хотел знать. Существо перед ним было одиноко и связано в человеческой плоти, которую он мог

уничтожить. Его палец начал давить на спусковой крючок штурмового болтера, а силовой меч запылал ярче в руке.

Палец застыл на спусковом крючке.

Библиарий не мог пошевелить конечностями, на коже выступил пот, и он почувствовал, как кристаллы его психического капюшона стали ледяными, сражаясь с психической силой, которая удерживала его. Она

окутала его так быстро, что он даже не почувствовал ее прикосновения.

-- Ты действительно глупец, костодесантник. -- Голос раздался позади него, в неподвижном воздухе ясно слышалось

презрение в тоне.

-- Мне жаль, - сказал Колофон, ложь расплылась по его лицу в улыбку. Кир услышал приближающиеся шаги и стук посоха.

Он попытался обратиться к своей силе, но сфокусированное на нем воздействие было подобно гибкому шнуру, который стесался и затягивался в то же самое время, когда библиарий давил на него.

-- Он не дэмон, которого ты зовешь Судьбоплет, но крайней мере, не

полностью, -- сказал насмешливый голос,
теперь уже

сразу за ним. Гибкая фигура Текаты
вставала перед ним. Ее глаза ярко
блестели, а крылатая драгоценность на ее
посохе

пульсировала холодным сиянием. Она
встала рядом с Колофоном, старик возле
нее становился все более сгорбленным и
похожим на хищную птицу.

-- У демона две головы, костогесантник, --
сказала она и улыбнулась.

Кира охватило ощущение пагения, за ним
тянулись обрывки предположений и истин.

Колофон покачал головой, как будто
сожалея, морщинистые складки его тонкой
шеи грожали.

-- Все будет хорошо, друг, -- сказал
астронавт, и Кир ощутил в его словах
абсолютную ложь.

Теката медленно моргнула и подошла
ближе к Кире, чтобы посмотреть прямо на
него.

-- Ты скоро умрешь, костогесантник. -- Она

осторожно кивнула. -- Но сначала ты
должен пойти и посмотреть. -- Она
улыбнулась, и мир рассыпался на осколки.
Кир падал, по телу проносились бессвязные
ощущения: вкус ароматного вина;
прикосновение пера к коже; боль; лицо
отца, пустое и разбитое; вонь трупов;
цвета, текущие без формы и системы;
звук моря, швыряющего камни о скалу. Все
появлялось и исчезало быстрее, чем он мог
понять. Он хотел закричать, но у него не
было рта.

Вокруг него затерцал оживший мир.

Он сидел на теплом каменном парапете
под ясным синим небом. Посмотрев вниз, он
увидел стену с башнями, которая
спускалась к поселению. Низкие серовато-
коричневые каменные дома прижимались к
основанию башни, как грудной
ребенок к матери. Из труб поднимался
дым, пахнущий ароматами жареного мяса
и специй. За обветшалой окраиной
поселения к горизонту тянулась равнина, ее
поверхность колыбалась, когда теплый

воздух тревожил зеленое море зерновых.

Солнце согревало его лицо, ткань белосиней туники мягко касалась кожи. Он сжал кулак и почувствовал, как напряглись мышцы и кости.

-- Вполне реально, -- произнес голос рядом с ним, он вздрогнул и поднял взгляд. Охровая мантия окутывала фигуру,

которая сидела рядом с ним. Ее сутулый облик скрывала ткань, которая шевелилась на ветру. Кирю показалось, что он увидел

под капюшоном синий проблеск, подобно далеким звездам в ночном небе. На мгновение он подумал столкнуть человека

с паранета и посмотреть, как он разобьется о землю.

Он взглянул на фигуру в капюшоне и покачал головой.

-- Какая голова говорит? Так, которая говорит правду или та, что лжет?

Собеседник тихо застегнулся.

-- Очень хорошо, костогесантник. Ты действительно начинаешь понимать.

Правда, немного поздно, но...

-- Куда ты привел меня, демон? Я не преклоню колени перед тебе подобными.

Фигура растеялась. Для Кира стех звучал, как крик пагальщиков на безжизненной земле.

- Я здесь не для того, чтобы совратить тебя, костогесантник. Я подчинял более сильные души, чем твоя, и ты льстишь себе, считая, что сможешь сопротивляться моим усилиям. Я здесь, чтобы просветить тебя, чтобы ты смог понять, что произошло и что привело тебя туда, где ты находишься.

-- Почему? -- прорычал он.

-- Разве другу и товарищу по странствиям нужна причина, чтобы предложить дар? Последний дар.

Кире показалось, что он услышал в словах нотки голоса Колофона.

Из широкого желтого рукава протянулась конечность со слишком большим количеством суставов и указала на городок

внизү когтистым пальцем.

-- Стотри, -- сказала она.

Кир постотрел. По үлицам среди люгей шли бок о бок двое. Одна была высокой женщиной, закутанной в темную одеждү, с кислым выражением на лице. Рядом с ней хромал сгорбившийся мужчина, сжатая в торщенистой руке старую деревянную трость.

-- Ты, -- сказал Кир.

-- Да, мои два лица.

-- Что это за место?

-- Более подходящий вопрос -- когда? Ты знаешь его, хотя можешь не үзнять. -- Кир вдруг почувствовал холодную злобу солнца.

-- Катарис, -- прошептал Кир.

Фигүра рядом с ним издала щелкающий стех.

-- Очень хорошо. -- Она үказала на ясное небо. -- Стотри.

В небе раскрылась трещина. Ее края были серебристо-белыми, а середина черная.

Небо потемнело, пурпурные и красные облака расходились, как синяк по бледной коже. Люди в городке подняли головы и начали кричать. Посреди паники высокая женщина и хромающий мужчина направлялись к основанию башни. Наравнине вспыхнуло платье, среди дыма скользили призраки и тчались к поселению. Начали выть сирены.

-- Ты вызвал это, -- прорычал Кир. -- Ты призывал соплеменников на этот мир и убил его.

-- Возможно, я вызвал его смерть. В широком смысле, может быть, это и правда. -- Фигура сделала паузу. -- Но я не вызывал сюда сородичей. Но крайней мере, не умышленно. -- Она повернула голову в капюшоне сильнее, чем могла позволить шея. -- Стотри.

Кир повернулся, сознавая, что ему и в голову не приходило посмотреть назад.

Они сидели не на башне; это была посадочная платформа. За их спинами корпус лихтеров и тяжелых лифтеров

нагревались на солнце. Вокруг них уже суетились люди, подсоединяя топливные шланги; вой двигателей стал пронзительным.

Между теми, кто пытался сбежать, начались драки. Кир увидел, как человеку в мантии префекта выстрелили в лицо, когда

он попытался остановить закрывающуюся ратну лифтера. Других просто раскидывали по сторонам те, кто был сильнее.

Посреди беспорядка шли тучина и женщина, словно невидимые для остальных. Кир увидел, как они нырнули в грузовую

отсек лифтера. Минуту спустя он поднялся в небо, направляясь к одному из немогих кораблей возле планеты. За ним последовали другие, шум их двигателей заглушили крики из поселения и первые вопли демонов.

-- Ты сбежал? -- Кир посмотрел на фигуру рядом с собой.

-- Да, костогесантник. Я сбежал.

-- Почему?

- Потому что моя родня пришла в это жалкое место не за кучкой ничего не стоящих душ, которые дышали этим воздухом. --

Фигура повернула голову в капюшоне к поселению. Кровь уже текла по его улицам.

-- Они пришли за мной.

- За тобой?

- Да, за мной. У меня много врагов среди моей родни. Некоторые стали врагами, потому что я поверг их или унижил.

Потому этого, конечно, из-за зависти к зависти к силе, которой я обладаю, зависти к моему положению при вечном дворе

изменений. -- Фигура пожала плечами. --

Мы -- детоны, фрагменты воли более могущественных существ, созданных из

и ненависти. Наша вражда отнюдь не проста и почти вечна. -- Кир понял смысл того, о чем говорило существо.

-- Ты скрываешься.

-- Молодец, друг, -- сказала фигура голосом Колофона.

-- Почему? -- спросил Кир. Мир вокруг него исчез, его утирающие вопли превращались в далекий шепот ужаса.

-- Снова этот вопрос, -- раздался голос демона из исчезающего мира.

Кир ничего не видел. Он снова падал.

-- Потому что я слеп, костюмодесантник, -- сказал демон, его голос стал слабым и далеким. Кир почувствовал, как нечто похожее на перья коснулось его кожи во тьме. -- Потому что я слеп.

Кир открыл глаза и увидел мир, где он родился. Демон стоял рядом с ним, в то время как библиарий смотрел, как в небеса его детства прибыли Черные Корабли. Желтая роба существа развевалась на ветру, капюшон был откинут на сутулую спину. Руки сжали ткань вокруг высокого тела, жест напоял Кир Колофона, кутавшегося в зеленую мантию. У демона было две головы на глиняных, покрытых

перьями шеях. Обе головы напоминали бескожий череп грифа. С каждой головы на библиария смотрели синие глаза, без зрачков и радужной оболочки.

-- Прошое, -- говорит одна голова голосом похожим на Гекату. Другая смотрит на темные силуэты космических кораблей, дрейфующих на низкой орбите. -- Твое прошое, костодесантник. Мир, который породил тебя, прежде чем сгореть. Я вижу его, потому что это прошое. Это мертвые и неизменные моменты в потоке времени.

Демон угрожал, и мир изменился, сдвигаясь по образам, как карты, раздаваемые из колоды.

Вот командная комната «Эфона», Кир смотрит, как фигура астронавта кружится в холодном зеленом свете.

Вот боевые корабли, танцующие среди линий огня и вращающихся обломков, их двигатели режут, когда они отворачивают

перед носами-таранами копьеподобных

кораблей. Они поворачивали слишком медленно и погибли, из их разбитых корпусов вытекают обломки.

-- Прошлое, -- раздался голос демона, пока Кир мигал, переходя от одного момента к другому. -- Все это прошлое. Я --

ткань судьбы, оракул, который видит все пути будущего. В этом моя сила, мое преимущество над соперниками и то, что когда-то удерживало меня вне их завистливой досягаемости.

Вот Фобос, его меч воздет над головой, на губах погребальная песня.

-- Но сейчас я слеп, будущее утрачено для меня. Я не могу видеть дальше настоящего. Это мертвое прошлое все, что

я могу видеть.

А вот космогесантники в синих доспехах идут по комнатам, покрытым коричневой пылью. На их наплечниках

поднявшиеся на задние лапы драконы.

«Но я видел это», -- думает он, когда смотрит. -- «Я видел это и оно не прошлое.

Это будущее».

Демон продолжает, не зная о догадке Кира.

— Пока я слеп, я не могу сражаться со своей родней, поэтому они охотятся за мной на ваших мирах.

Кир увидел движение под мягким слоем пыли, словно волна, поднятая на поверхности воды акулой. Из пыли поднимается фигура. Он кричит, но костодесантники в синих доспехах не слышат. Фигура принимает облик человека.

Она медленно поднимается с пола, на ее пылевидной поверхности формируются черты. Она тянется к

костодесанникам. Кир чувствует смертельный голод фигуры. Он снова кричит и рот фигуры из пыли движется.

Вы увидите сейчас, — говорит он голосом, похожим на шелест песка, носитого сухим ветром. Костодесантники

поворачиваются и смотрят на него. Она тянется к ним.

Он смотрит на свои руки.

Они из пыли.

Его видение прервалось, и Кир проваливается сквозь кружащийся звездный свет и ощущение полета.

Они вернулись в астронавтическую комнату. Перед ним стоят Колофон и Теката.

-- Из-за тебя, Кир Аврелий, -- сказала Теката, а Колофон кивнул. -- Я не могу видеть из-за тебя. Ты -- препятствие для моего

зрения, пятно, за которым я не вижу. Я никогда не видела, как ты появляешься здесь, и сейчас я не могу увидеть твое будущее, только твое прошлое.

Кир попытался пошевелить конечностями, но они по-прежнему парализованы.

-- До этого момента я позволяла тебе жить, -- продолжила Теката. -- У тебя была цель удерживать мою родню. Ты даже мог

победить. Но сейчас появилась Инквизиция

и демоны, которые преследуют меня
рядом, и поэтому я снова должна бежать
и скрываться. -- Она отступила. --
Поэтому ты должен умереть.

Геката повернулась, чтобы уйти, но
Колофон помедлил и улыбнулся Кирю.

-- Благодарю за корабль, которому вы так
услужливо приказали бежать от ярости
Циквиции. Это было очень любезно с
вашей стороны. -- Он похлопал по
неподвижному госпеху Кира и захромал
вслед за Гекатой.

На самом высоком ярусе колнаты
безмолвные фигуры в зеленых мантиях
вышли из теней. В их слепых глазах сиял
свет

варна. Их было восемьдесят один.
пережившие нападение на астронавтов. Но
в этот момент он понял, что они не
пережили.

Те, кто сопротивлялись -- умерли, те, кто
выжили стали связанными с
Судьбоплетом. Кир услышал тихий щебет,
похожий

на крики птиц и шелест перьев. С
каждым шагом вниз по каменным ярусам,
под их ногами образовывался иней.

-- Есть кое-что, о чем вы должны знать
перед смертью, мой друг, -- произнес
Колофон у дверей.

-- Я не отправляла сообщение, -- сказала
Теката и обе фигуры исчезли из виду.

Астронавты приблизились к нему. Кожа
сползла с их новых форм, когда сила варпа
переделявала их. Из рук и ног выросли
когти. Кости треснули и вернулись в
скрученные положения. Мех и перья
покрыли растянутую плоть. Кир оказался
в кругу

рычащих тварей.

Кир почувствовал, что удерживающая его
сила ослабла. Взяв всю свою волю в кулак,
он ощутил, как пальцы двинулись к
рукоятке меча. Его конечности дрожали
от усилий, он покрылся потом, когда
мышцы ожили. Руны угрозы заполнили его
зрение.

«Я потерпел неудачу», -- думает он. -- Это

больше не будущее, это -- настоящее. Я
потерпел неудачу и здесь паду.

СВЯЗАННЫЕ

Ударные крейсера открыли огонь первыми. Линейные ускорители, установленные вдоль бортов заговорили одновременно.

На пустотных щитах станции расцвели взрывы, разбиваясь о энергетические купола, которые тизали, отключаясь. Возле

ударных крейсеров развернулся вокруг своей оси легкий крейсер, подставляя станции борт с батареями макроорудий.

Сгустки плазмы и разрывные снаряды размером с танк прочертили космос.

На борту эстинцев офицеры ждали, пока щит станции не окажется на границе отключения. Когда взрывы всколыхнули последние экраны, они выпустили торпеды. Каждая несла мельта-боеголовку. Они предназначались не для уничтожения, но для нанесения повреждений и

воспламенения. Для последнего
стертельного удара у них было более
экзотическое
оружие.

«Шестой Молот» оставался безмолвным,
как старый король, следящий, как молодые
рыцари проливают первую кровь. На
своем медном троне лорд-инквизитор
Ксеркс наблюдал, как идеально
рассчитанный по времени торпедный залп
поразил

станцию в тот самый миг, когда отказал
последний пустотный щит. Он
удовлетворено кивнул и поднял скипетр,
его золотая

рукоятка была покрыта текстом на
высоком готике. Он уничтожил много
тиров и предпочитал, чтобы последние
удары

наносились по самой простой из команд.

— Огонь, — сказал он и «Шестой Молот»
встряхнуло от его слова.

...

Когти царапали по доске Кура. В него

ударилась бешенная психическая энергия, которая вытекала из когтистых пальцев, ища слабые места в доспехе. Перекошенные лица заполнили обзор, кусая его острыми зубами. Он слышал, как они

стелются и бормочут своими жаждающими смерти голосами. Его рука зашевелилась, поднимая штурмболтер вверх, словно вытягивая из спутанной паутины. Что-то острое и зазубренное нашло слабое сочленение в доспехе. Потекла кровь.

Палуба дрожала под его ногами, словно в такт с далеким громом. Инквизиция начала обстрел.

Его охватил гнев, гнев на собственную глупость. Он знал, что должен погибнуть. Он видел это. Это были не новые

мгновения, а только старые воспоминания из видений, переживаемые в первый раз. Тварь со сторщенным лицом

приблизилась вплотную, ее когти схватили шлем, острые кончики насытили свет варпа, когда они потянулись к окулярам.

«Это не моя судьба!» — Кир выкрикнул эту мысль, и падающие астронавты отшатнулись от него. Он впитал гнев, который кипел в его разуме, и разорвал силу, удерживающую его. Энергия хлынула из него наружу, а с лезвия меча сорвалась толня.

Штурмболтер открыл огонь, прошивая извращенные фигуры.

Меч нагрелся в руке, в его ядре сияла его ярость. Он рубанул по телам с погребальной песней на устах.

...

Станция утирала. Рухат знал это. Кроваво-красные аварийные огни залили вибрирующий стыковочный коридор, и он слышал тихое шипение атмосферы, вытекающей в космос через трещины. Двери стыковочного отсека «Эфона»

оставались открытыми, пока уменьшающийся поток людей толпился через них. Они приняли столько, сколько могли, но

еще больше должны оставить: сотни,

запертых в частях станции, до которых
нельзя было добраться, группы гвардейцев,
окруженных и уничтожаемых тварями,
которые лезли внутрь станции, даже
когда та разваливалась на части.

Полковник

разговаривал со многими из них по воксу,
слушал сквозь помехи их проклятья и
крики. Он знал, что если выживет, то
будет

слышать эти голоса многие годы,
призрачные голоса, проклинаящие его во
снах.

-- Мы должны закрыть dock, полковник, --
отозвался один из последних двух Белых
Консулов сразу за зубчатыми

противовзрывными дверями. -- Станция
под непрерывным обстрелом. Она скоро
начнет разваливаться на части. Если мы
хотим избежать смерти, то должны
отстыковаться.

Рихард покачал головой.

-- Пока нет. Еще многие могут добраться
до нас. Ваш библиарий приказал мне

спассти всех, кого я смогу. Я выполню этот приказ.

Костодесантники немного потегдили, затем коротко кивнули.

Рухат оглянулся на проходящих мимо людей. Слуги в серых робах спешили бок о бок с префектами в пурпурных мантиях.

Окровавленные и бледные гвардейцы, некоторые из которых все еще сжимали оружие, теснились рядом с техноагентами

и мускулистыми сержантами.

-- Полковник, мы должны немедленно отстыковаться. -- Резкий голос заставил его повернуть голову. К нему спешили Теката

и Колофон, сгорбленный астронавт тяжело дышал, попевая за глинными шагами псайкера. -- Обстрел уничтожит станцию в

течение нескольких минут; вы должны немедленно отдать приказ.

Рухат перевел взгляд с Текаты на Колофона. Старик был бледен и почти

грожал от страха.

-- Что с Киром? Он отправился разыскать вас?

Старик покачал головой.

-- Я не видел его, -- сказал он.

-- Полковник, -- начала Геката, но он прервал ее.

-- Мы уйдем в самый последний момент, госпожа. -- Он указал на нескольких людей, спешащих к доку, но не отрывал глаза

от взгляда псайкера. -- Самый последний момент. -- Геката сердито взглянула на двух костогесантников, стоящих у

открытой противовзрывной двери, через которую продолжали проходить люди. -- Советую вам, взойти на борт. Времени мало.

Псайкер скривила губы, но отправилась на «Эфон», хромающий Колофон последовал за ней.

...

Они снова напали на него -- волна зубов и когтей. Его опустевший штурмболтер толчал, брошенный на устланный трупами

пол. Из его руки метнулась молния, перепрыгивая от тела к телу. Многие упали, но остальные продолжали наступать,

пробираясь по мертвым с алчными криками. Они добрались до него, когда оставляли следы на доспехе, вскрывая его полированные внутренности, которые сияли в свете их мертвых глаз. Кир почувствовал, как из него сила вытекает через

дюжину ран. Захрипев от усилия, он поднял меч над головой, обхватив обеими руками потертую рукоять. Сморщенная тварь зашипела на него, бросившись вперед. Его первый удар рассек ее надвое. Второй перерубил живот и хребет другой твари.

Что-то ударило его сзади, наплечник раскололся, а боль пронзила тело. Его колено опустилось на пол. Он почувствовал вкус собственной крови. Он ощущал вокруг себя существ: это из варна стеялись ему астропаты.

Кир чувствовал потерянные сочленения перчатки на пальцах, которые все еще сжимали меч. Он израсходовал каждое оружие, которым владел, использовал каждый известный ему навык, но по-прежнему шел к судьбе, которую предвидел.

Твари приблизились к нему. Библиарий посмотрел на них, поднимаясь на ноги. Было еще кое-что, нечто ужасное, что он все еще не остеливался сделать. Это чудовищное деяние предостерегало его, и пережить его было так же трудно, как и управлять им. Внутри шлема он трачно улыбнулся самому себе. Последней частицей своей сфокусированной воли он потянулся и пробил дыру в реальности.

Когда Кир встал, твари отступили. Воздух вокруг него превратился в ускоряющийся циклон мерцающей энергии. Он

расширил отверстие, его разум удерживал вихрь перед собой. Воронка становилась все шире и шире, вращаясь с

искаженными обрывками реальности. Извращенные тела исчезли в кружащейся дыре, затянутые с воплями гнева и страха.

Кир секунду управлял вихрем, которому даровал жизнь. Он начал двигаться за секунду до того, как утратил контроль.

Вихрь вырвался из его хватки со звуком бьющегося стекла. Его черная пасть еще больше увеличилась, превращая в ничто все, к чему прикасалась.

Кир побежал к двери, чувствуя, как при движении тело наполняется болью. Позади него с голодным воплем увеличивалась пасть воронки.

Станция пылала. Красный огонь пожирал бронированную обшивку, высасывая изнутри кислород, изгибая элементы

конструкции, пока они не треснули и не деформировались, как сломанный хребет утирающего левиафана. Пламя варна стелось с огнем, демонические лица возникали и исчезали в пожаре.

...

Кружащие корабли карательного флота

на мигнуту прекратили огонь, прежде чем
нанести последний удар. Из носа

«Шестого Молота» вылетел узкий веер
торпед. Черные жала мчались на ярких
хвостах, они несли самый тайный и
опасный

боезаряд. Когда они ударили в сердце
станции, вортексное устройство создало
пульсирующую цепь дыр в реальности.

Черные концентрированные спирали
открылись в перекрывающемся циклоне,
который унес станцию в забвение.

...

Кир бежал по коридорам, заполненным
дымом и руинами. Дисплей шлема
пульсировал предупреждающими значками,
которые говорили о внезапном изменении
давления, резком росте уровня
токсичности и смертельном для жизни
содержании кислорода. Его поврежденный
госпех терял воздух из многочисленных
отверстий. Некоторые из фибросвязок
госпеха были разорваны. Он чувствовал,
как рвутся мышцы под тяжестью госпеха.

Эпистолярый повернул за угол и увидел, что бронированные двери дока все еще открыты. Стыковочный отсек «Эфона» за ними освещался аварийной сигнализацией. У панели управления дока тяжело осела фигура, последняя душа, стоявшая на страже безопасности ворот.

Рихат утирал, его кожа побледнела от нехватки кислорода, но обе руки по-прежнему сжимали панель управления дверью, сохраняя ее открытой до самого последнего момента. Кир остановился. За его спиной глинный коридор начал изгибаться.

-- Полковник, -- сказал он. Человек не двигался. -- Рихат. -- Его веки дрогнули, а синие губы прошептали слово, которое Кир не расслышал. В стене коридора открылся широкий разрыв, расходясь по полу и потолку, вытягивая пламя и воздух в тракт за ним. Кир наклонился, чтобы поднять полковника, но человек остановил движение, его глаза невидяще смотрели перед

собой. Кир думал о том, что сказать, шепча последнее слово душе человека. Он думал о станции, которую разрывало на части в этот момент, о многих погибших на ней, которые могли добраться до «Эфона», и не придумал ничего, что могло бы

принести мертвому успокоение.

Кир убрал руку человека с панели управления доком. Со звуком шипящих поршней противовзрывная дверь «Эфона» начала закрываться. Он одиноко прошел между стыкающимися зубьями, когда корабль разорвал свою связь со станцией.

За ним с визгом разрываемого металла разлетелся коридор.

Вихри поглощали последние останки станции. На их краю поворачивался белый корпус боевой баржи *Agentus Астартес*, двигатели надрывались в борьбе с силами, тянувшими их назад к ожидающим настям растущих вихрей.

...

Инквизитор Ксеркс увидел, как из

рвущихся обломков станции выскользнул
корабль и направился в открытый космос,
обратив внимание на геральдику Белых
Консулов. Несомненно, славный Орден, но
пострадавший в последнее время.

Потеря такого корабля станет ударом
для дружеских отношений, уходящих в
глубины истории. Но он никому не мог
позволить избежать указа об
Экстерминатусе. Ксеркс кивнул одному из
офицеров на мостике и стал наблюдать,
как легкий

крейсер и эстинцы увеличили скорость и
легли на курс перехвата, который
отрежет корабль, прежде чем он
достигнет
границы системы.

...

Перед ним ждали закрытые двери
мостика «Эфона». На обеих створках
блестели в свете пламени жаровен
гравированные
изображения Сабатина. Он остановился,
наслаждаясь дыханием, которое наполняло

его легкие.

Демон должен был направиться на мостик, чтобы быть рядом с центром управления и принятия решений, чтобы влиять на

собственное спасение. Кир бежал через корабль, минуя сервиторов и группы озадаченных беженцев со станции. Он почувствовал, как угрожал корабль, когда его двигатели боролись с тягой вихрей, которые захватили станцию.

Библиарий остановился перед бронзовыми дверьми. В голове пронеслись проблески полужабытых видений. Он знал, что должно случиться, что значат все обрывочные проблески, цену, которую нужно будет заплатить.

Кир медленно поднял руки, отсоединил шлем от доспеха и бросил его на палубу. Он сделал долгий выдох. Подавленная боль от ран вызывала оцепенение по всему телу. Он поднял меч, прижав плащ к лбу. Его прикосновение холодило кожу. Он подумал о цепи мертвого мира

на своих пальцах, о братьях,
выкрикивающих погребальные песни, о
Рухате,

беззвучно произносящем последние слова, о
взгляде, когда увидел Черный Корабль в
синем небе.

-- Вот для чего нас создали, -- прошептал
он себе и толкнул бронзовые двери.

-- Судьбоплет. -- Кир произнес его имя,
когда двери распахнулись. Лица обернулись
к нему, и он шагнул на мостик,

почерневший доспех скрипел с каждым
шагом. Перед ним, в центре глиняной
платформы стоял командный трон.

Группа

сервиторов сидела, сгорбившись, над
системными показаниями, среди них
ходили несколько рабов в белых робах.

Бронированные ставни закрывали
обзорные окна, которые тянулись вдоль
стен мостика. В воздухе перед командным
троном висел вращающийся голодисплей.
По зеленой проекции с координатной
сеткой двигались значки, показывая

взаимные положения и траектории кораблей.

Колофон и Геката стояли вместе рядом с пустым тронот, возле них двое Белых Консулов. Когда Кир шагнул к ним, все повернулись. Лицо Гекаты исказил гнев, а Колофона — шок и удивление. Кир открыл рот, чтобы приказать своим братьям открыть огонь. И не сделал этого.

Со звуком рвущейся кожи и стеха тела Колофона и Гекаты взорвались. Их плоть распалась, кожа и блестящие мышцы ненадолго повисли в воздухе, словно приколотые к невидимоту секционноту столу. Мерзкий запах извлеченных органов и

сладкого ладана наполнил мостик, вызвав у Кира тошноту. Растянутые лица старика и псайкера ухмыльнулись с искаженного полотна плоти. Куски мышц и кожи начали наматываться, как полосы бечевки, скрученные в веревку. Плоть изменила цвет и форму. Выросли перья и когти. Растущую фигуру окружил синий

цвет, переплетаясь яркими кольцами. На сгорбленной спине сформировались крылья. Кожа свободно свисала с глинных конечностей с когтями, похожими на птичьи. Две глинные, оперенные шеи загрохали во вращающемся свете, после чего повернулись и взглянули на Кира. Над крючковатыми клювами пристально смотрели разные глаза. Демон застонал обоими головами, звук был похож на предсмертные крики воронов.

Двое братьев Кира подняли болтерные пистолеты и открыли огонь. Вокруг снарядов возник пульсирующий свет. Они отвернулись

от траектории и начали вращаться вокруг демона, как светляки. Вокруг них тостик охватило безумие. Сервиторы вырвали

себя из своих мест, рухнув на пол в лужах масла. Рабы и офицеры согнулись, извергая на пол желтую желчь. Щелчком

руки демон направил болтерные снаряды по спирали в сторону членов экипажа, где

они взорвались. Он поднял когтистую конечность, радужный свет окутал его когти, когда он указал на Кира. Клювы открылись, чтобы заговорить.

Кир атаковал, подняв меч над правым плечом. Его мышцы рвались, когда тянули его закованное в доспех тело вперед. Он почувствовал, как его наполнило спокойствие; он видел, что случится, его видение о будущем парило прямо перед настоящим. Момент растянулся. Его предназначением было оказаться здесь, сделать выбор, который по его ощущениям ждал его сразу за горизонтом настоящего. Все происходило так, как всегда будет и должно происходить.

Меч рассек энергетическую оболочку демона и ударил в пернатую плоть. Последовала вспышка разноцветного света. Демон отшатнулся назад, крича от боли и почти рухнув на палубу. Кир поднял меч, перекинув его глиняную рукоятку из руки в руку, и пронзил тело демона, пригвоздив его к палубе.

Он остановился, глядя на демона. Две головы стаялись. Его тело начало растворяться в светящиеся испарения.

Пылающая демоническая сущность стекала в палубу корабля, проникая в «Эфон», распространяясь по его элементам.

Кир отпустил рукоятку меча. Он никак не мог изменить то, что произойдет далее, судьбу, на которую обрек корабль и всех

на его борту. Он знал, что не сможет убить демона; не по-настоящему. У того всегда будет возможность так или иначе выжить. Но Кир разрушил его физическую форму и знал, что демон сделает все возможное, чтобы не вернуться в варп.

Сейчас он мог выжить только приняв сущность корабля, в качестве его хозяина.

Структура «Эфона» менялась, даже когда он смотрел на него, искажаясь, пока демон просачивался в его недра. Корабль в

будущем изменится еще больше, станет чем-то неузнаваемым, чем-то проклятым.

Кир знал это; он видел это.

Он посмотрел на последние признаки физического тела демона, две головы грифа держались среди таящей плоти и перьев.

-- Ты должен кое-что знать, -- сказал он, когда демон зашипел. -- Ты сказал, что слеп, что не можешь видеть будущее. Ты говорил, что видишь только бесконечно повторяющееся прошлое. Но то, что ты видишь, демон, это твое будущее. Ты -- слеп, потому что прошлое -- это твое будущее. -- Кир улыбнулся демону, когда тот исчез в палубе. -- То, что я вижу в будущем, это то, что ты видишь в прошлом. Ты слеп из-за этого момента, момента, когда будущее становится прошлым. Я

-- архитектор твоей судьбы.

Кир поднял глаза на тактическую картинку приближающегося флота Циквизиции и медленно угасающих вихрей.

Вращающиеся дыры в реальности заберут в варп все, что поглотили, чтобы нести по

бурным течением сквозь время и пространство. Он по-прежнему чувствовал, как под ногами плазменные двигатели борются, чтобы вырвать корабль из объятий вихрей.

Библиарий медленно подошел к командному трону, сел и произнес свой последний приказ.

- Остановить двигатели.

Мгновение спустя корабль затих. Он продолжал двигаться сквозь пустоту, несомый инерцией. Затем начал скользить обратно к воронкам, которые поглотили станцию.

Кир положил свой меч на колени. Мостик темнел. По мере того, как демон все глубже погружал свои когти в конструкцию

корабля, перед глазами библиария появлялись раковые опухоли искаженного металла. У него не было иллюзий по поводу

того, что он делал. Он обрекал корабль,

экипаж и тех, кто перебрался на него в надежде на спасение. Он обрекал их на проклятую вечность гонки сквозь время, связанными с терзостью.

В глубине своей псайкерской души он чувствовал, как вихри приближаются к «Эфону». Корабль не включил свои поля Теллера; он был открыт всей силе варпа. Сырая психическая энергия омывала корпус невидимой волной. Те, кто был на борту, утирали тысячу раз, их тела распагались и восстанавливались снова и снова, пока не рассыпались пылью по залам корабля.

Кир все это время не закрывал глаз, удерживая тело и душу вместе последним кусочком своей воли.

Он подумал о сигнале. Сигнале, который предопределил эту судьбу с момента, как он его услышал, сигнале, который демон никогда не отправлял, который никто никогда не отправлял. Он закрыл глаза и направил свой голос в варп. Его слова станут сообщением, чтобы поймать

себя и демона, связав их судьбы вместе.
Где-то внутри корабля демон услышал
эти слова и забыл.

Его последняя невыслушанная исповедь
была произнесена, он расслабился, и шторм
разорвал его тело и душу на части.

«Эфон» падал, возвращаясь сквозь время,
становясь чем-то новым, как и было
предначертано.

...